

ВЛАДИМИР СТРЕЛЬНИКОВ

РЕЗЕРВИСТ

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С84

Художник
С. А. Григорьев

Стрельников В. В.
С84 Резервист: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 411 с.: ил. — (Земля лиших. Мир Андрея Круза).

ISBN 978-5-9922-1567-0

Когда хоронишь последнего из родственников, это очень грустно. Но, может быть, это начало нового пути твоего рода? Даже если для этого придется переселиться в новый мир! Мир, где нормальные люди горой стоят друг за друга, невзирая на национальность или цвет кожи. Где слово «свобода» и слово «смелость» идут плечо в плечо, вооружившись автоматами Калашникова. И не важно, что много тяжелой работы и опасность подстерегает повсюду. Потому что умелые и мозолистые руки одинаково легко управляют со слесарным инструментом и с пистолетом. Потому что готов насмерть защищать то, что тебе дорого. Потому что ты любишь и тебя любят.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1567-0
© Стрельников В. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ГЛАВА 1

23 октября 2005 года, Ташкент

Поздняя осень в Ташкенте. Звучит красиво, правда? И выглядит тоже очень красиво. И очень депрессивно. Большой город, омытый дождями от летней пыли и зноя, тяжелые серые тучи, уходящие на восток, к горам — отрогам Чимгана, которые прекрасно видны с верхних этажей зданий, особенно из домов, построенных на холмах. Воздух наисвежайший, с запахом йода, идущим от палых листьев среднеазиатских орешин. Огромные лужи на асфальте, которые разбрызгивают проезжающие машины. Голые, качающиеся под ветром ветки деревьев. Огромные стаи ворон, летающие над городом. Падающие по утрам на тротуары последние вызревшие орехи.

И я — один, уже не в своем доме. Сижу печально впотьмах и грустно смотрю на серую машину, вездеходный грузовичок Горьковского завода «Егерь» на сером мокром асфальте двора. Теперь это все мое имущество. В «Егеря» загружены кое-какие бытовые машины, пара кондиционеров, холодильник, два телевизора и компьютер. Пара ковров. Куча металлообрабатывающего инструмента, целая тонна всяких полезных в производстве железок (весьма недешевых, кстати), благо они места почти не занимают. Кабина набита мягкой рухлядью — одеждой, одеялами. Короче, забита машина под завязку. Жду вербовщика, который должен меня проводить.

А началось все хоть и печально, но буднично. После похорон деда в семейной могиле на Боткинском кладбище на сороковинах ко мне подошел сосед. Узбек уже пенсионных лет, офицер Службы национальной безопасности в отставке. Причем в довольно большом чине — полковник.

— Володь, нам с тобой поговорить нужно. Насчет дома. Завтра я подъеду, хорошо?

— Хорошо, Анвар Шарипович. Буду ждать. Правда, сами знаете, как у нас наследство оформляется, через пень-колоду.

Потом я проводил соседей, помог двум оставшимся старушкам из немногих русских убрать посуду, с помощью двух соседских парней загрузил в махаллинский зиллок столы и скамьи, сел и задумался.

Крепко задумался. Я остался один как перст. В буквальном смысле этого слова. Нет, конечно, работа, знакомые, а порой и девушки в моей жизни присутствовали, но, что называется, не очень рядом. Была одна девчонка, которая до сих пор иногда снится, но она уехала с родными три года назад и пропала. После ее исчезновения у меня до сих пор легкая депрессия, и короткие лямурички не помогают. Дед мне говорил, что я не от мира сего. Порой ругал, порой смеялся. Мол, три десятка проходит, а в голове не ветер, а вакуум.

Старый уже был дед. Чего только не прошел. Раскулачивание его застало двенадцатилетним пацаном, из их избы в конце ноября вынесли все, даже одежду, оставили в исподнем, обрекли его и прабабушку на голодную смерть. Или холодную, это как посмотреть. Дрова-то тоже вынесли до последней щепки. Выручила прапрабабка, у которой они провели эту страшную зиму. Потом перебрались в город, потом прабабушка заболела малярией, и доктор посоветовал переехать в Среднюю Азию. Из Ташкента дед ушел сначала на срочную службу, потом стал кадровым воякой, а потом началась война. Воевал от звонка до звонка. Демобилизовался уже в Маньчжурии. После войны вернулся, женился, построил этот самый дом — тогда он стоял на окраине города, а теперь почти в центре.

И все же, если задуматься, даже самому как-то не верится, что я влез в эту авантюру. Вроде совсем не авантюрист. Обычный рабочий парень. Хотя... узнать до конца свою душу — на это много времени надо. В общем, началось все так. В девяностые, когда русские массово хлынули в Россию, цены на дома упали до смешного. Да и не собирались мы тогда никуда, жили и работали. Частью огород выручал, сад, курятник. Но постепенно русские практически перестали уезжать — просто потому, что их осталось очень мало. И цены медленно, но верно поползли вверх. А на такие дома, как наш, особенно.

Дом у нас большой, на участке с хорошим виноградником и садом. Тихое и спокойное место, чужих людей почти не бывает. Говорят, в Подмосковье есть такие места, где строятся новые русские, есть и старые дома со старыми хозяевами. Так и здесь. Большой дом почти в центре Ташкента. Довольно дорогой, прямо скажем. Что с ним делать, ума не мог приложить. Продать-то продам, вон через улицу семья узбеков жила старшего сына, предложили сто двадцать тысяч американских долларов. Но это где-то четвертая часть цены, кроме того, предложили наличку, то есть явно большая часть денег окажется фальшивками. Иначе чем объяснить, что соседи ни в какую не хотели переводить деньги на счет? Мол, налоговая и прочее... Под дурачка косили. Так что фальшивок могло быть и больше.

Утром, ровно в девять, к дому подъехал «Москвич-412» Анвара Шариповича. Своей старой машиной и очень-очень крутым номером, а порой и синей мигалкой на крыше он испытывал нервы многих богатых узбеков. Старый садист. Но к деду полковник относился неплохо, можно сказать, дружили.

Заведя гостя в дом и напоив чаем (Узбекистан все же, традиции!), я спросил у отставника:

— Анвар Шарипович, что вы хотели мне сказать?

— Володя, я слышал, тебе Мансур предлагает дом продать. Ты как, решил?

— Нет, ему я продавать не буду. По крайней мере, пока.

— А что не так? — с любопытством посмотрел на меня узбек.

— Анвар Шарипович, вы же знаете стоимость одной сотки земли в нашей махалле? Сто тысяч американских долларов. А он предлагает за дом и участок сто двадцать, причем налом. Я же не совсем идиот, понимаю, что из этого нала половина на растопку годится. — Мне только и оставалось, что неодобрительно покачать головой.

— А если я тебе предложу двести тысяч, но на одном условии? — поинтересовался узбек. — Смотрю, ты налом не хочешь? Есть карточка, куда можно положить деньги? — Я кивнул. — Только давай так, неси ее сюда. Потом продолжим разговор.

Заинтересованный, я встал и принес свою карту «Банк оф Америка».

— Ты знаешь, мой отец и твой дед первыми построили

дома в этой махалле после войны? Хорошее было время... — Старый узбек мечтательно прищурился. — Но довольно страшное. Они и работали в одном управлении «Строймонтаж», мой отец главным инженером, твой дед бригадиром строителей.

Однажды при отсыпке земляного полотна произошел оползень. Погибли люди, потеряли технику. Отца арестовали. Но твой дед поднял парторга, и они вдвоем дошли до первого секретаря ЦК компартии Узбекистана. И головой поручились, что мой отец сделал все правильно. Просто произошел неизбежный при прокладке дорог в горной местности оползень осадочных пород. Отца отпустили, восстановили в должности, просто перевели на другой участок. Это не было исключением, такое частенько случалось, потому что тогда бывшие фронтовики еще помнили, что такое фронтовое братство. Это позже начались отношения под названием «человек человеку волк». Так вот, я еще с твоим дедом об этом говорил. Но он пожелал умереть здесь. А про тебя сказал, что ты, наверное, согласишься. — Узбек отпил чаю, задумался. — Ты объясни, почему до сих пор не уехал в Россию? — Анвар Шарипович посмотрел на меня поверх пиалы.

— Сложно сказать. Может, не хочу быть беженцем. Я думал, что, возможно, перееду в Беларусь. Хотя и там нас тоже называют беженцами.

— А хочешь стать эмигрантом? Одним из миллионов?

— Анвар Шарипович, вы так шутите или издеваетесь? Вы же сами мне рекомендацию писали в Ташпогранотряд. Я теперь до конца жизни «злбный гебист»! Как посмотрят в США, Канаде или Австралии на мой военник, так сразу дадут от ворот поворот! — Я грустно усмехнулся.

Вообще проблема переезда из бывшей российской даже не колонии, а губернии оказалась очень сложной. Настолько, что даже относительно молодые мужики зарабатывали инфаркт и помирали. «Беженцы», «тунеядцы», «рвачи» — это одни из самых ласковых эпитетов, которыми награждали возвращенцев в России. Мол, погнались за длинным рублем, а «мы здесь родились и здесь пригодились». И травили беженцев не только словесно, порой поджигали реально отстроенные из старых заброшенных родительских избышек дома. А ведь многих в республики просто отправило государство — распределило после институтов или техникумов осваивать «голодную

степь», строить металлургические комбинаты, добывать в пустынях и предгорьях редкоземельные металлы. А потом люди просто попали «под раздачу». Терпеть не могу Каримова за то, что он говорит о «семидесяти годах угнетения», но при нем хоть русских не резали. Наоборот, за попытку разжигания национальной розни грозила расстрельная статья. Правда, это происходило отчасти из-за того, что Каримов боялся ваххабитов, для которых русские были целью номер один.

Узбек усмехнулся. Покачал головой.

— Нет, Володя. Не Канада и не Австралия. Есть новый мир. Не делай недоуменное лицо, ты прекрасно понял, о чем я. Ты фантастику обожаешь, ведь так? Так вот, лет двадцать назад был открыт новый мир. Случайно, при каком-то эксперименте. Мир очень далекий, но люди там живут нормально. Без скафандров и масок. Атмосфера почти такая же, как здесь. Даже мясо тамошних животных прекрасно усваивается человеком. Мир этот держат в тайне, чтобы не вызывать ажиотаж. И чтобы исключить массовое заселение. Даже правительства, по крайней мере официально, ничего о нем не знают. Владеет этим миром, или, правильней, заселяет его, Орден. Проходят туда через Ворота, какая-то телепортация, что ли. И только в одну сторону. Оттуда есть только связь, но редкая и дорогая. Ворота разбросаны по всей Земле, но управляют ими оттуда, чтобы исключить захват здесь. С собой можно взять много вещей, какие считаешь нужными. Можно взять с собой машину — максимум две, больше на платформу не залезет. За все остальное надо платить, и много. Кстати, твое переселение профинансирует пара русских семей с окраин Узбекистана, а стоимость недвижимости *там* на окраинах крайне низкая.

Ворота в Ташкенте настроены на мусульманские земли, поэтому русских мы отправляем через Новосибирск. Правда, в связи с последними событиями в Андижане это стало сложнее, но ненамного. Просто не сумеешь воспользоваться железной дорогой из Ташкента: все вокзалы активно проверяются. С окраин-то нет, а вот из Ташкента просто так не выехать. Но не везде. Есть дырочки. Поедешь на машине. Мы тебя выведем за границу Узбекистана, получишь навигатор с заложенной в него дорогой, на границе Казахстана и России тебя встретят, помогут добраться в Новосибирск, доведут до Ворот. Путь по Казахстану займет три-четыре дня, сутки или

чуть меньше суток придется добираться по России, и ты окажешься в Новом Мире. Не переживай, процесс отлажен до мелочей.

Если согласен, то я закидываю деньги на эту карту, даю три дня на сборы. купишь себе машину, одежду. Возьмешь свои ружья — и вперед. Приедешь в Новосибирск, там встретят, проведут на ту сторону. А на той стороне, если возникнет такое желание, еще себе оружие возьмешь, какое хочешь. На этот счет там никаких ограничений нет, кроме финансовых. Ответь через десять минут, я жду. Обманывать тебя я не стану. Хоть Аллахом не поклянусь, но поклянусь памятью отца. Сам знаешь, у узбеков это не менее важная клятва. — Анвар Шарипович налил еще чаю.

Да, я это знал. Знал и то, что они не любят ее давать, так как если клятва мусульманина, данная иноверцу, необязательна для исполнения, то клятва памятью отца обязательна. Узбеки, как и русские, сохранили часть языческих верований. Например, у них широко распространен обряд, который называется «худойи» — жертвоприношение. И память предков они очень чтят.

Но новый мир... Признаться, меня ошарашили. Тут и горе, и голова пухнет из-за этого наследства, да и на самом деле проблема трудноразрешимая. И тут на тебе, как пыльным мешком по голове ударили. Впрочем, если это правда, нет никаких проблем. Здесь меня ничего не держит. Я вырос в Азии, но русский по крови и по духу. Хоть и замечал в себе множество отличий от знакомых, которые выросли в России. Нет, так все нормально, но вот мелочи... Не зря говорят, что «нечистый» кроется в мелочах. А тут все придется начинать заново, и не очень поздно. Ну двадцать восемь — самый возраст.

И ведь вот в чем дело, если меня решили кинуть, то сопротивляться будет очень тяжело, почти невозможно. Хотя как раз Анвар Шарипович в этом никак не может быть замешан, об этом все знали бы. Тут, в махалле, очень тяжело сохранить тайну о своих занятиях. Есть тройка рейдеров, их знают, хоть никто и не говорит об этом. Пока узбек не трогает людей в своей махалле, она его поддерживает.

— Ну как, Володя, согласен? Время вышло.

А, была не была! Чур меня! Тем более что тотальные проверки меня как русского в метро и на улицах, несмотря на паспорт гражданина Узбекистана, не просто достали, а за-

долбали. А однажды с охоты ехал с ружьем, так сутки в околотке продержали, до понедельника. Думал, уже все, пропал, что-нибудь нарисуют. Но выпустили, извинились. Напоролся на отряд из Самарканда, а они всех от греха подальше гребли.

— Согласен, Анвар Шарипович! Перечисляйте деньги. — Я встал и достал из серванта графин с виноградным самогонном, который настаивался в дубовом бочонке у нас в погребе. Налил пару рюмок, поставил на стол вазу с поздним виноградом. Его грозди у нас на веранде подвешены к потолку.

Пожилой узбек усмехнулся, надел очки на нос, поднес карту поближе, достал мобильник, произнес в телефон:

— Хоп, кеты. Туккиз, туккиз, бир, икки, нол, нол, олти, нол, етти, саккиз, нол, нол, йигирма. Икки юз минг бакслар (для тех, кто не понимает по-узбекски, переводу: это он читал номер счета — 99120060780020. А двести тысяч баксов — сумма перевода). — Анвар Шарипович отключил мобильник. Положил телефон на стол. Через пять минут мой мобильный коротко прогудел виброзвоном. СМС пришла.

«Пополнение счета. Успешно. На счету двести тысяч пятьсот пятьдесят долларов США». — Я вытер рукавом вспотевший лоб. Вот это да!

— Все, Володя, у тебя трое суток, не считая сегодняшнего дня. В четверг в четыре утра я за тобой зайду, покажу дорогу и отправлю. Документы и ключи от дома отдашь, когда выведу за границу. Машину не регистрируй, так проведем до Ворот. И вот еще что. Там нет связи со здешними банками, а проблеме с валютой ты знаешь. Поэтому тем, кто переселяется отсюда, можно купить золото возле наших Ворот. Слитками Сбербанка России. На сто тысяч долларов. По цене четыре грамма за сотню долларов. Это, конечно, грабеж, золото стоит как минимум пять грамм за сотню, но иначе никак не получается. Сам знаешь, где живем. Не подмажешь — не поедешь.

И еще. Это только потому, что я тебя давно знаю, и наши психологи тебя проверяли. Там, в Барса-Кельмес (с узбекского переводится «пойдешь — не вернешься»), так называют этот мир у нас, очень ценят оружие, электронику, инструменты. Ищи, иначе здорово потеряешь в деньгах. Курс к доллару в том мире совсем маленький — три целых три десятых. Да ты и сам понимаешь, примерно половина тех купюр, которые ты купишь здесь, там пойдут на растопку. Учти, этого я тебе не

говорил, нигде не обмолвись. — Анвар Шарипович выпил рюмку, бросил виноградину в рот.

— А какой там климат, сколько народа и как живут? Что он вообще из себя представляет, этот Новый Мир? К чему готовиться?

— Ну, я толком ничего не знаю. — Узбек показал на свою рюмку. Я налил еще по одной. Еще бы, бабушкина самогонка не хуже французских коньяков, как знающие люди говорят. Чокнулись, выпили. — Так вот, о нем мало что известно. Знаю только, что там жарко, как у нас, зима еще теплее, только дожди и ветер. Народу там живет миллиона два-три землян, собраны со всего света. Из России, из Америки. В общем, живут люди. Просто дороги плохие, транспорт в основном автомобильный, города маленькие. Но и самолеты есть, и морской транспорт. Как у нас в девятнадцатом веке приблизительно. И нравы, говорят, похожи. Паспортов нет, виз нет. Езжай куда хочешь. Ладно, пора мне. Собирайся. Возникнут проблемы, даже маленькие, сразу звони. Только с оружием и наркотиками не связывайся и не убей никого. По крайней мере, не попадись на этом.

Так я стал богаче на двести тысяч американских долларов. Виртуально, по крайней мере. Если честно, никак этого не ощутил. Никогда у меня не водилось очень больших денег, не почувствовал их вкуса и сейчас. Да и запросы всегда были очень скромные.

Проводив гостя, я занялся сборами. Первым делом пошел в городское отделение банка и проверил наличие средств на счете. И когда реально увидел сумму, руки похолодели. Двести тысяч долларов. На моей карте, которую держал просто для того, чтобы был хоть какой-то денежный резерв. Безлимитный перевод со счета на счет. Это правда! Мама дорогая, во что я ввязался! И Новый Мир, скорее всего, тоже место реальное. Мелькнула мысль снять деньги и бежать, но тут же пропала. Такую сумму в валюте здесь, в Узбекистане, просто так не снимешь. Перевести с карты на карту? А откуда я знаю, какой след останется? Ведь я в банковских делах ноль без палочки, ни фиги не понимаю. Билет на поезд или самолет тоже просто так не купишь, большая очередь и регистрация за месяц, а на перекладных через целых три границы ехать — очень опасно. Да и тот, кто столько платит, вряд ли обманывает. Так что обратного хода нет. Я пошел домой собирать вещи и сор-

тировать их. Сегодня воскресенье, все равно автосалоны не работают, а на рынках толпы народа. Надо ящик тушенки в маркете купить, в дороге по Казахстану пригодится, китайской лапши-пятиминутки, риса и макарон килограмм по пять, масла хлопкового. О, и в «Узпластитал» зайду, куплю всяких чашек. Это легкая посуда, и места много не займет.

Зашел в фирменный магазин, выбрал три большие канистры для воды, несколько разных тазов, ведер и наборов пластмассовой посуды. Поймал такси — частного, загрузил все в салон, привез домой. Начал отбирать вещи, хоть их и не очень много, но собрать надо. В первую очередь взял свои охотничьи принадлежности. Армейские юфтевые сапоги, бродни, два камуфляжа в «цифровом исполнении», которые для Армении или Грузии, не знаю точно, шили на «Текстиле». Но ткань очень хорошая, мне выбраковка досталась, и та вещь. А всего-то на полотне сместился рисунок.

В понедельник, встав и умывшись, решил последовать совету Анвара Шариповича и приобрести машину. Сосед мне оставил карточку и посоветовал, в каком автосалоне можно купить подходящую технику, назвал и магазин с электроникой. Я спустился в метро и поехал не в тот автосалон, который посоветовал вербовщик, а в тот, в который пару раз заходил до этого. Салон находился на другом конце города и торговал русскими грузовиками и вездеходами. Не зря в свое время на ВС учился.

Там купил ГАЗ-двухтонку с тентом на коротком кузове, «Егеря», и обеднел при этом на тридцать тысяч зеленых денег. В России они дешевле, эти машины, но, как говорят, «за морем и телушка — полушка». В салоне меня сначала приняли за человека, который просто пришел поглазеть: по сравнению с теми, кто покупал машины, я и впрямь выглядел не очень. Пришел пешком, в простых джинсах, кожанке. Без помпы, без родственников и друзей. Не принято здесь покупать машины в одиночку. Тем более в салоне — тут дороже. Правда, машину скомплектовать можно, а те автомобили, которые здесь продают, точно не битые. Меня даже на стоянку вести не хотели. А не объяснишь — если поймут, что человеку что-то надо, сразу тройную цену слупят. Пришлось все же прокатить карточкой по терминалу. Тогда отношение сразу изменилось. А я, увидев на стоянке серую машину, уже не мог без нее уйти. Перегнал домой, благо двор просторный, еще

одна машина, кроме этой и дедова старого «запорожца», встанет. Сразу взял и четыре запаски, капитальный набор ключей производства ФРГ, американские ручную лебедку и речный домкрат.

После этого сходил на работу — в мастерскую, уволился. Слегка выпил с мужиками, обмыли мой отъезд на Украину, в Крым. Сказал, что дальние родственники пригласили. Сложил свои инструменты в не так давно купленный пластмассовый ящик.

Дома собрал весь садовый инвентарь, все пилы, топоры, лопаты, кетмени, вытащил из сарая старые, еще латунные керосиновые лампы. Аккуратно сложил их в картонную коробку. Упаковал электродрель, болгарку, все диски и сверла, которые нашел. Положил даже старинные, похожие на мастерки, дюймовые плашки. Они мне здесь недавно потребовались, болты на канадский квадроцикл делать, 7/16 дюйма с четырнадцатью нитками на дюйм, а кто сказал, что дюймовые резьбы в Новом Мире не в ходу? Все собрал и положил на пол кабины, под заднее сиденье.

Собрал все рыболовные снасти и определил туда же.

Потом сел, составил список необходимого, трижды перечитал. Вроде все, но наверняка что-либо забыл.

И понеслось. Оставшиеся два дня вертелся как белка в колесе. В первую очередь обошел четыре аптеки, покупал в каждой по десятку упаковок ампициллина, парацетамола, аспирина, витаминов, средств от насморка и аллергии, а то у меня на старую пыль бывает, так что диазолина я десяток пачек купил. Бинты, йод, зеленка, вата, индпакеты, линимент синтомицина. Короче, здоровый пакет набрал.

Отогнал «запор» знакомому деду, другу моего деда, в небольшой поселок под Ташкентом, оставил ему документы на машину и написанную от руки расписку. Уже когда уходил, дедок вручил мне два классных небольших топорика работы местного мастера. Добротные такие, удобно лежат в руке, из хорошей стали, на рукоятях из абрикосового дерева.

Рынок на ипподроме — это нечто вроде Черкизона в Москве, огромная территория, где чем только не торгуют. Закупка трусов, шорт, носков и прочего заняла почти весь день. Купил полсотни маек из чистого хлопка Нукусской мануфактуры. Они не очень красивые, зато для работы на жаре лучше одежды нет. Прикупил четыре хорошие хлопковые спецовки.

Я все же рабочий, а скорее всего, и там придется потрудиться. Купил несколько греческих джинсов, коричневых и зеленых. Там же, на ипподроме, купил три комплекта военной формы песочного цвета еще времен СССР. Добротные такие, крепкие. В самый раз для жары. Приобрел две горки российского производства. Случайно купил ременно-плечевую систему — для подсумков. Вообще-то в Узбекистане такими вещами не слишком торгуют. Много вещей не набирал, так, пару сумок, с какими челноки ездят.

Потом на Фархадской ярмарке приобрел два небольших кондиционера ДЭУ, телевизор «Самсунг», DVD-плеер этой же фирмы и ноутбук «Тошиба». Из-под полы купил носимые рации, и в машину. Дома упаковал еще один телевизор, музыкальный центр, свой старый компьютер и погрузил электронику в кузов. В салон электроники, который посоветовал полковник, я так и не пошел. Зачем? Как будто не знаю, где и что можно купить. Причем наверняка дешевле.

В небольшом инструментальном магазинчике увидел свою давнюю мечту — небольшой бензиновый генератор и сварочный аппарат постоянного тока для него. Закупил и полсотни килограмм электродов, «двоячки» и «троячки».

Нарезал черенков с винограда и граната, съездил с утра пораньше и купил на Алайском рынке саженцы абрикосов, персиков, черешен, миндаля, айвы и нектаринов, которые узбеки называют «лысый персик». Уже уходя, приобрел десяток саженцев роз. Поздняя осень — это самый разгар торговли саженцами. Они отлично вызревают, засыпают к зиме, а весной соответственно хорошо укореняются. Все равно дом у меня где-нибудь, но будет. А в том мире, по словам вербовщика, очень тепло. Стоят саженцы недорого, пару-тройку недель во влажной упаковке спокойно пролежат. А в случае чего потом уже посаженные деревья водой отолью. Упаковал я все это в пропитанную глиняным жидким раствором мешковину, сверху замотал еще влажным мешком, завязал целлофаном.

Но вот куда еще больше полусотни тысяч деть? Сразу столько снять не дадут, а то бог бы с ним, с курсом доллара. Да и на фальшивках деньги терять неохота. Перевести вклад можно куда угодно, в тот же Новосибирск, но как снять наличку за то время, которое я там пробуду? Вот задачку задал Анвар Шарипович. Впрочем, кое-что можно попробовать сделать.

Я подошел к телефону. Набрал давно знакомый номер:

— Тетя Роза, здравствуйте. Это Володя Яушкин. Можно к вам зайти?

После ее согласия завел новоприобретенный грузовик и поехал.

Тетя Роза — мать моего мастера, с которым работал на ТАПОиЧе, ташкентском авиазаводе. Когда после развала Союза переворочавший Есик линиял в Израиль, я помог ему перевезти кое-что домой к матери, которая жила от нас через три улицы.

— Здравствуйте, тетя Роза.

— Здравствуйте, Володя. Извини, что не пришла на похороны твоего деда, я уже настолько древняя, что скоро с ним увижусь. Говори, что тебя ко мне, старой еврейке, привело?

Ухоженная восьмидесятилетняя женщина завела меня в дом. Ее сын старше меня на десять лет, но все равно считался поздним ребенком этой очень уважаемой в махалле женщины. Ее связи, казалось, опутывают весь мир. Именно она советовала деду с бабушкой продать дом и ехать в Россию в восемьдесят девятом. Говорила, мол, Союз скоро развалится. Дед тогда долго смеялся, а зря, как выяснилось.

— Тетя Роза, продайте мне те железки, которые мы с Иосифом вам девять лет назад привезли. Вы же их не продали до сих пор? Они все равно у вас пылятся, а мне нужны.

Тогда я помог разгрузить и спрятать в сарае почти полторы тонны инструментов, если прикинуть, по нынешним ценам тысяч на семьдесят долларов. И это по внутренним, межзаводским ценам, когда производства обменивают инструменты на какой-то другой товар. А по рыночным раза в два дороже.

— Володя, ты пытаешься обмануть старую женщину? Ты знаешь, сколько это железо стоит? И ты хочешь сказать, что имеешь эту сумму? А зачем тебе тогда это железо, если есть такие деньги? Почему бы тогда тебе не уехать в Россию? Ясное дело, в Америку или в Израиль еще лучше, но ведь твоя мама не еврейка, к моему великому сожалению.

— Нужно, тетя Роза. Не спрашивайте, для чего, но мне нужен товар. Ведь деньги — это бумага, которую просто ценят за тех американских президентов, которые на ней нарисованы. Золото, к сожалению, не купишь. Так что я хочу выкупить у вас инструмент. Готов предложить пятьдесят тысяч долларов и взять оптом.

— Володя, ты думаешь, если я учительница английского языка, то ты можешь думать про меня — глупая? Мне Иосиф сказал, чтобы дешевле шести десятков тысяч американских денег даже не думала продавать. Ведь там только полотен для механических пил три тысячи, а они стоят по десять евро за одну штуку! Я, может, и училась в педагогическом институте, но читать буклеты о промышленных товарах умею.

— Тетя Роза, вы же не будете продавать пилы по одной. А продавать кучей, так у вас спросят — а не те ли это инструменты, которые пропали вместе с вашим сыном? Я же сразу переведу пятьдесят три тысячи на счет вашего Иосифа в Израиле, если вы согласны. Съездим вместе в банк, деньги положу на ваших глазах.

— Володя, ты поступаешь очень грубо, так давишь на пожилую еврейку. Если бы здесь был Иосиф, ты купил бы у него все это не меньше чем за пятьдесят пять тысяч.

— Давайте я куплю у вас это железо за такую сумму, тетя Роза? Согласны? Только перевод сделаем за ваш счет?

Я вытер пот со лба. Все же торговаться с еврейкой — это не про меня. В пот вогнала. А ведь мне все это еще грузить.

— Хорошо. Только никуда не надо ехать. Я позвоню своему троюродному племяннику, он очень умный мальчик, привезет передвижной терминал, и переведешь деньги прямо отсюда.

Тетя Роза зашла в дом. А я стал таскать ящики с инструментами в кузов. Хорошо, что не самые тяжелые попались инструменты. Не самые большие фрезы томского инструментального завода, механического полотна, твердосплавные пластины всех сплавов, типов и размеров, алмазные круги и многое другое. Ящики килограмм по шестьдесят — семьдесят, не больше. Тяжелее всего было грузить ящики с большой делительной головкой и ее принадлежностями, тут чуть пупок не развязался. Но все же чуть больше тонны высококачественного инструмента я получил. Так что перетаскивал по веранде ящики из кладовки и перекладывал их в кузов с удовольствием. Да и веранда высокая, поэтому сильно поднимать грузы не пришлось. А то прямо соревнования по силовому экстриму.

Уже когда закончил с погрузкой и допивал чай с потрясающим печеньем тети Розы, подъехал старенький, но неплохо ухоженный сотый «мерседес». Из него вышел моего воз-

раста еврей, очень вежливо поздоровался с тетей Розой, пожал мне руку, достал дипломат, вытащил из него небольшую коробочку.

Прогнав карточку через мобильный терминал, я оставил пятьдесят тысяч зеленых на улице с таким же названием. Но все равно получилось удачно: попробуй найди в такие сроки столько товара. Я же не в Европе. Но себе пять тысяч долларов на дорогу по Казахстану и России оставил — что бы ни говорил узбек, пусть лежат в запасе.

— Володя, учти, новое место — это новые законы. Неважно где — в России ли или в Израиле. Не будь злым, не будь подлецом. Стань настоящим мужчиной, может, найдешь там свой дом. И учти, настоящий мужчина — это не обязательно герой. Это тот, кого дома ждут. Иди. Я помолюсь за тебя.

Я поклонился мудрой женщине, сел в свой грузовик и поехал домой. На душе потеплело от добрых слов. Но у меня имелось еще одно дело.

Загнав грузовик во двор, я закрыл ворота и пошел на станцию метро. Там сел на поезд и поехал на кладбище. Вышел на «Сельхозмаше» и потопал пешочком. Тут недалеко, я не тороплюсь, а мои родные и подавно. По дороге купил в ларьке бутылку водки, четыре пластиковых стаканчика и буханку хлеба. На старом кладбище, существующем еще с царских времен, прошел мимо братской могилы футбольной команды «Пахтакор», погибшей в авиакатастрофе, попал на заросшую аллею. Прошел по ней, открыл сваренную из арматуры калитку, присел на скамью. Посмотрел на могилки. Бабушка, дядя и дед. Отец с матерью пропали без вести в Афганистане в семьдесят девятом, сразу после ввода войск. Пропали бесследно, вместе с товарищами, никто даже не смог узнать, куда подевалась группа советских ученых.

Я налил водку в четыре стаканчика, нарезал хлеб перочинным ножом. Вроде и не оружие, но пару раз ножичек меня здорово выручал. Если зажатой в кулаке рукоятью ударить по голове, мало не покажется. Три стаканчика поставил на могилы, накрыл куском хлеба. Четвертый взял себе. Помолчал, выпил, поклонился и пошел, постарался не оборачиваться. Казалось, мне в спину смотрят. Зашел в часовенку, притаившуюся на окраине, среди могил умерших в госпиталях от ран советских воинов, беженцев и эвакуированных, оставил две сотни баксов смотрителю, попросил присмотреть за могил-

ками. И ушел. Мне дед говорил: «Щепки должны лежать там, где они упали!»

Вечером в среду, закончив упаковывать и укладывать вещи в кабине и кузове, увязывая ящики с электроникой, грузить инструмент, отошел и сел на крыльцо. Посидел, посмотрел на вещи, отмел в сторону свою депрессию и полез на чердак. Поднял тучу пыли, пока открывал старый чемодан в дальнем углу, прикрытый фанерным листом. В чемодане лежало то, о чем даже бабушка не знала — очень мало стрелявший пистолет ТТ довоенного выпуска, четыре завернутых в промасленную бумагу запасных магазина к нему (это кроме того, который находился в кармашке старой кожаной кобуры), цинк с патронами выпуска сорок пятого года. Была здесь и еще одна вещица, которую дед снял с убитого японского офицера: «Штайер Солотурн», сделанный в Австрии для Японии еще до Второй мировой — такого же калибра, как и ТТ, основательно пострелявший, с потертым воронением и пошарпанным ореховым цевьем, но хорошо ухоженный. К нему прилагались одетые на ремень с португеей штык-нож, два подсумка из добротной, но потертой коричневой кожи с шестью магазинами на тридцать два патрона. По словам деда, австрийские автоматы были лучше ППШ, по крайней мере, менее скорострельные и более точные. Дед очень ценил этот трофей. Тем более что это оружие было любимой дедовой тайной. Он ее хранил шестьдесят лет. Тут же, в чемодане, лежали цейсовский бинокль с восьмикратным увеличением, уже изрядно помутневший, и немецкая офицерская планшетка с картой Берлина.

Я сидел на чердаке и вспоминал деда. Он не зря закончил службу старшиной роты, много чего привез...

— Знаешь, внук, ты отслужил, что такое тайна, понимаешь. Пошли, — сказал мне тогда дед и, кряхтя, полез по приставной лестнице на чердак.

— Дед, тебе ли по чердакам лазить, скажи, что надо, и я сниму. Не дай бог, упадешь. Ну, старый!

Я полез вслед за ним. Отодвинул вязанки вяленой чехони, прошел в дальний угол чердака. Дед, кряхтя, толкал старый бабушкин сундук. Я отодвинул deduлю в сторону и сам навалился на эту память о бабкином приданом.

Под сундуком лежал лист финской фанеры. Деда приподнял его, прислонил к стене. В нише обнаружился старый алю-

миниевый чемодан. Когда дедуля открыл крышку, я увидел несколько завернутых в байку свертков, и рядом еще один побольше, прямоугольный, запакованный в старую газету. Посмотрел вопросительно на дедушку, взял один. Тяжелый. Уже предполагая, что увижу, развернул его. Ну, дед!

В руках у меня лежала кобура. Темно-коричневая, с ремешком, удерживающим крышку, удивительно мягкая после стольких лет хранения. Открыл ее, достал пистолет ТТ. Вышелкнул магазин — пустой.

— Да, дед, удивил. Откуда? Впрочем, глупый вопрос. А почему кожа у кобуры такая мягкая? После стольких-то лет?

— Я ее еще в сорок восьмом барсучьим жиром пропитал, — улыбнулся довольный дед. — Она теперь вечная, если мыши не съедят. А чемодан из люменя — тоже трофей, с битого немецкого самолета снял. Там трехстволка лежала, своему комбату отдал, а чемодан себе забрал. Был еще пистолет, маленький маузер, но подарил его одному товарищу в пятьдесят втором, когда он на Сахалин уезжал.

— А патроны есть?

— Патроны в цинке. Нераспечатанном. Вон, в бумагу завернут. Тут пистолет и автомат. Автомат японский, пистолет наш. Оружие живое, нерасстрелянное. Знай об этом и помни. Не дай бог, пригодится...

Теперь, похоже, пригодится. Это оружие будет моей страховкой. Тем более в Казахстане. Там такие степи, пару раз ездил с друзьями порыбачить и поохотиться. Порой за несколько суток путешествия никого не встретишь. Я отнес чемодан к чердачному люку. Спустил его на веревке. Тяжелый. Занес в дом. Задернул занавески, достал оружие.

Вскрыл цинк, открыл пачку патронов. Ярко-желтые, пока не потускневшие игрушки, настоящие «маслята». Зарядил магазины пистолета и автомата. Автомат спрятал за спинкой сиденья «Егера», пистолет вставил в двустороннюю наплечную нейлоновую кобуру, которую купил вчера в магазине вместе с пневматическими копиями. Нацепил, поверх натянул кожанку. Покрутился возле высокого бабушкиного зеркала. Вроде ничего не выпирает, движения не стесняет. Пусть будет, так спокойнее. Полковник говорит, что через границу проведет, а там посмотрим.

Собрал все фотографии, семейные и просто снимки на память. Завернул медали деда, два николаевских и один ленин-

ский червонцы (крохи, которые прабабка умудрилась спрятать при раскулачивании и сберечь в войну). Уложил все это в отдельную папку, туда же поместил свои документы. Все это сложил в дюралевый чемодан. Приготовил цветную фотку, которую заказал вербовщик. Достал свои ружья — тулку-курковку и магазинку МЦ-2001 — обе двадцатого калибра, коробки с патронами, уложил и их в грузовик. Связал в стопку два десятка любимых книг, завернул в целлофан и тоже отнес в машину.

Подумал, уложил в кузов, в деревянный ящик, две банки — с абрикосовым и вишневым вареньем. Когда еще его поем, нового-то урожая. Туда же бросил небольшой дубовый бочонок с виноградным самогоном. Еще бабушка гнала. И лег спать: завтра в любом случае тяжелый день.

Но тут же встал. Идиот, что я творю? Что я затеял, на что поддался? Ведь ясно, что это все замануха для такого кретина, как я. Подумаешь, деньги дали... Их и с трупа снять не долго. Полковник меня знает как облупленного, точно понимает, что не пропью и не прогуляю, а потрачу на дело. Заберут машину, инструмент, и все. Подумаешь, золото пообещали. Пистолет у меня есть, типа супервоин стал! Я же Анвару Шариповичу в том году два ружья ремонтировал: на ТОЗ-34 менял рычаги взвода, на МЦ-2112 обсаживал раздутый в последней трети ствол. Полковник прекрасно знает, что мне из моих ружей обрезы сделать — десять минут работы. Я рванул было к машине с намерением сейчас же убраться из города, но попал под ледяной шквальный дождь. И остыл. Зашел домой, растерся полотенцем, подумал, достал удлинитель, пару проводов и лампочку. Кое-что сделал и лег спать.

Проснулся ровно в три, ополоснулся под холодным душем, чтобы вытрясти остатки сна. Возвращаясь из душа, раздавил очередного скорпиона на веранде, развелось же их за последние пять лет! Проверил еще раз все собранное по списку. Полностью оделся, не забыл приладить пистолет под куртку. Причем патрон дослал в патронник и спустил курок, поставив пистолет на предохранительный взвод. Выключил все бытовые электроприборы, даже выдернул вилки из розеток. И телефон отключил. Заварил крепкого чая, включил горелки, закрыл двери на ключ, проделал одну тонкую операцию,

вылез в окно веранды, закрыл его снаружи и сел с кружкой чая на крыльце дома — ждать, благо дождь закончился.

Ровно в четыре послышались шаги возле ворот и стук.

— Володя, открывай.

Я открыл калитку, впустил соседа.

— Доброе утро. Пора, едем? — А у самого, между прочим, пальчики-то дрожат. Нервничаю. И пистолет спокойствия абсолютно не прибавляет. Нет спокойствия, одно беспокойство. Похоже, жизнь меняется. По крайней мере, место жительства.

— Едем. Готов? Тогда вперед! Бисмилло рахмону рахим! — Анвар Шарипович провел руками по аккуратной бородке и полез в кабину грузовичка.

Я открыл ворота, вывел машину на улицу, потом закрыл дедовские ворота в последний раз. Нагнулся и набрал горсть земли из-под вишен перед домом, завернул ее в носовой платок, положил в карман. Не удержался, прижался лбом к калитке, постоял так минуту. Перед глазами все расплывалось. Слезы, что ли?

Вытер глаза, залез в кабину. Узбек молчал, рассматривал соседний дом. Я поехал навстречу рассвету, на восток.

Выехал на улицу Мукимий, вопросительно посмотрел на полковника.

— Давай к Южному вокзалу. Там дальше скажу. Не спеши, время есть.

Я поехал по пустым улицам. Город только-только просыпался, зажигая в сумерках окна домов. Меня обгоняли редкие машины. Поглядывал в зеркало, следил за дорогой сзади. Но там вообще никого не было.

После Южного вокзала выехали на обводную и направились в сторону массива Куйлюк. Через четыре километра съехали в какую-то промзону. На выезде посмотрели на моего сопровождающего, козырнули, сразу закрыли за нами ворота. Неплохое место, чтобы что-то спрятать. Машин по обводной дороге за день тысяч сто, наверное, проезжает. Если не больше.

Двор промзоны оказался заставлен разнообразными джипистыми машинами. Отдельно стояли три «буханки» — УАЗ, пара ЗИЛ-131. Все, в том числе и джипы, покрашено в цвет хаки, все типа отремонтировано. Ну-ну, если продавать тому, кого потом никогда не увидишь, вряд ли хорошо ремонтиро-

вать будут. Слава богу, что здесь ничего не купил, цены, написанные маркером на машинах, на лобовом стекле, очень впечатляли. Прямо скажем, охренительные цены.

Въехали в большое складское помещение. Там я отдал молодому узбеку, недовольно посмотревшему на мою машину, свою фотографию.

— Какой имя-фамилий указать? — недовольный вопросительно глянул на меня.

— А? — тут я удивился.

— Ты под каким именем пойдешь? Что вписать?

Я протянул свой зеленый узбекский паспорт. Мне имя менять незачем.

Прошел по указанию полковника в небольшую комнатку с сидящей за зарешеченной перегородкой женщиной, решил вопросы обмена золота, взвесили его на электронных весах. Потом я женщину здорово насмешил, перевесив слитки на своем китайском безмене.

— Ровно четыре кило. Вроде все честно. Кислотой проверять надо? — Я достал скляночку.

— Хотите, проверьте. Ваше право. Вон станочек есть, просверли любой слиток. — Женщина застыла в позе оскорбленной невинности. А я взял и просверлил, потом капнул. Вроде все нормально. Промыл слиток и стружку, сложил все в целлофановый пакет и определил к остальным. Затем упаковал все в пакет с фотографией Ташкента и вышел в зал.

— Вот, держи. Твоя айдишка.

Мне протянули небольшую карточку, еще теплую после ламинации. На ней была моя фотка, закатанная под пластик, имя и фамилия на русском и английском, длиннющий номер из шестнадцати цифр и какая-то пирамида с глазом. Чем-то знаком показался мне этот символ, не пойму. С обратной стороны штрихкод, и снова глаз на пирамиде. Иллюминаты, что ли? Вот и документ. Потихоньку я начал расслабляться. Золото продали, документ дали, посмотрим, что будет дальше. Взял свой паспорт, положил в карман рубашки.

— Поехали в другой двор, Володь.

Мой вербовщик снова залез в машину. Ну поехали.

Я объехал здание, въехал в другие ворота. Грузовик шел очень мягко, почти не качаясь. Все же почти максимальная загрузка получилась, чуть меньше, чем должно быть.

— Вот, держи, твой российский паспорт. Он настоящий, не бойся. Твои права, российские, номера и техпаспорт на грузовик, зарегистрирован в Новосибирской области. Права тоже настоящие, абсолютно. Видишь, мы тебя не обманываем. Все, поехали. Давай на обводную, потом будешь следовать моим указаниям.

Полковник полез в кабину. Мне стало не по себе. Это что за организация такая, если для них российский паспорт и права сделать — мелочи. Ну не совсем мелочи, полторы — две сотни тысяч американских долларов заплатил, но так быстро? Я покачал головой и сел за руль.

Через полтора часа, объехав вкруговую почти весь город, я стоял возле блокпоста на узбекско-казахской границе, недалеко от Ташкента, уже с той стороны границы. Граница в этом месте, если смотреть по карте, имеет еще тот видок и вихляет самым неприличным образом. И получается, что в некоторых местах Шымкентская область Казахстана практически касается Ташкента.

— Ну вот и все проблемы. Держи навигатор с маршрутом. Он тебя поведет проселками, подальше от постов и городов, благо Казахстан очень большой. И народу в нем для такой огромной страны очень мало. Через полсотни километров накрути русские номера. На границе России позвонишь по этому номеру с этой симки, тебя встретят, и быстро. Прощай. Ни пуха ни пера.

Полковник спрыгнул с подножки, отошел к казахскому погранцу. Узбекский отвернулся в сторону, как будто происходящее его ни грамма не интересовало.

— Погодите, Анвар Шарипович. Вот ключи от дома и документы. В дом через дверь не заходите, заминировано. Залезайте через окно, проветривайте от газа, а потом снимайте с двери взрыватель.

— Вай, шайтан! Ты что, не поверил мне? — Полковник ошалело смотрел на меня и доставал телефон.

— Нет. Не поверил. Но решил рискнуть, хоть это и сумасшествие. Прощайте! — Я перегазанул, включил вторую передачу. Ну что, поехали. К черту!

Никогда не ездил по этой местности, обычно на территорию Казахстана заезжал или в районе речушки Келес, или после города Гагарин, когда отправлялся на озеро Айдаркуль порыбачить и поохотиться. Но в принципе никакой разницы

я пока не заметил. Тут тоже жили узбеки, если, конечно, судить по ухоженным садам.

Вскоре навигатор вежливым женским голосом вывел меня на проселок. И я поехал на северо-восток.

Через шестнадцать часов, преодолев больше тысячи километров, остановился на ночевку возле старого мазара посреди степи. Навигатор уверенно вел меня малоезжими дорогами к границе России. Причем те мосты, к которым он меня выводил, оказывались целыми, а броды проходимыми. Правда, нагруженный грузовик неплохо ел своим необкатанным мотором горючку, пришлось заправляться, на заправке купил бочку с соляркой, которую закатил в кузов по доскам с помощью молодого казаха. Меня разок остановили для проверки, но российский иностранный паспорт с отметкой о пересечении границ, документы на машину и права с вложенной десятидолларовой купюрой их вполне удовлетворили, как и слова о том, что еду из Узбекистана на ПМЖ в Новосибирск и везу имущество, доставшееся мне по наследству.

Недалеко от мазара плакали шакалы, жалуясь неведомо кому на свою горькую пустынную судьбину. Огромная луна заливала светом старые развалины. Декорация для фильма ужасов, блин, аж мороз по коже.

Я сидел возле небольшого костерка, пил горячий, пахнущий дымом чай, ел сдобную лепешку — патыр. МЦ-2001 лежала на коленях, заряженная пулевыми патронами, все-таки автомат светить не стоило. Хорошо додумался вязанку дров в сарае набрать и в кузов кинуть. Ни кустика вокруг, ни деревца. Одна трава.

Надо покемарить часок-другой, а лучше четыре-пять часиков поспать. Эта поездка здорово утомила, да и нервов сжег приличное количество. Пустынная дорога, небольшие горушки, пару раз пересекал железнодорожные переезды. Тот, кто ездил по степям Казахстана, знает, каково это. Огромные, почти пустые просторы, иногда пересеченные рокадными дорогами. Впрочем, магистральные дороги, которые мне тоже приходилось пересекать и немного по ним ехать, были весьма неплохи. И поток машин оказался не сказать чтобы маленьким для таких пустынных мест. Хорошо, что последнюю неделю дождей не было, сухо.

Но чем дальше на север я забирался, тем становилось холоднее. Проехав Балхаш, обратил внимание на то, что кое-где уже лежит снег, земля замерзла. Пришлось включать печь и ночевать в кабине с работающим мотором. Купил на одинокой заправке антифриз и залил его вместо воды в радиатор, чтобы хоть иногда глушить мотор. Сажены тоже положил в кабину, чтобы не замерзли. Хорошо, что брал только однолетки, не самая большая охапка получилась. Навигатор успешно вел меня в обход крупных поселений. Впрочем, ближе к России стали попадаться деревни, появились хвойные леса. При подъезде к российской границе я выехал на дорогу, соединяющую Павлодарскую область и Карасук Новосибирской области, ну и дальше соответственно идущую в Новосибирск. Стояли морозы градусов пятнадцать, но снега не было. Я достал свою «дубовую», еще черно-белую «Нокию», установил симку, набрал высветившийся номер.

— Алло. Яушкин? Где тебя черти носили? И где ты сейчас? — недовольным мужским голосом произнесла трубка.

Ну слава богу, а то я последние два дня чувствовал себя полным идиотом.

— Если верить навигатору, то в двадцати километрах от границы с Россией по дороге на Карасук.

— Давай к границе, встань километрах в двух от нее. Я скоро подъеду. Жди!

Телефон загудел короткими гудками. Я снял пистолет, залез в кузов и спрятал его в чемодан, поближе к автомату. Поставил на чемодан ящик с инструментом. Под ящиками лежало золото. Странно, но меня это уже совсем не беспокоило, как будто в компьютерную игру-бродилку играл. Впрочем, скорее всего, устал.

Поехал, встал, как и было сказано, в двух километрах от границы. Через три часа, уже в потемках, подъехал праворульный японский джип «тойота». Из его левой дверцы вылез мужик, что-то сказал водителю, залез ко мне в кабину, подвинул сажены и удивленно на них посмотрел.

— Ну здорово, переселенец. Вы там все на голову такие стукнутые — в конце октября через северный Казахстан по проселкам ехать, а? А если снежный циклон? Тебя бы только следующей весной откопали, и то не наверняка, может, и пару лет пролежал бы в снегу. Придурки вы, честное слово.

Точнее, ваши узбеки, орденские сволочи. Лишь бы с людей деньги содрать, а там пускай хоть сразу его закапывают. Поехали, экстремал. Давай за «тойотой». — Я тронулся за серебристым джипом. Вдоль дороги росли высокие то ли ели, то ли сосны, в общем, какие-то хвойные деревья.

Следующим утром меня, отчаянно зевающего, заперли вместе с грузовиком на каком-то складе на окраине Новосибирска. Склад был теплый, с отоплением. Меня сразу развезло. Сожрал насилиу банку тушенки, на которую я уже не мог смотреть, и лег спать.

ГЛАВА 2

29 октября 2005 года, Новосибирск

— Вставай, спящая красавица. Проснись, тебя ждут великие дела. Подъем!!! — заорал над ухом Петрович.

Так звали того мужика, кроторый был моим проводником по Новосибирской области. Я встал, потянулся. Эх, еще бы помыться.

— Петрович, а ополоснуться здесь можно? Почти неделю не мылся, грязью зарос и прокоптился. А? — Я с надеждой взглянул на мужика.

— Почему нельзя? Можно. Вон там, в конце коридора, душевая кабина. Как раз для таких отмороженных, как ты, сделана. Тут их летом много прошло, не один десяток. Сотни. На той неделе тоже из Узбекистана переселенцев провожали, больше сотни. Из Коканда, по-моему. У тебя полчаса на помывку, потом поедем к Воротам. Тебе ничего не надо? Оптику там или прицелы ночного видения? Дальномеры? Наши, новосибирские, есть. Комплект из бинокля, оптического прицела, лазерного дальномера и прибора ночного видения стоит ровно четыре тысячи долларов. Дальномер, правда, геодезический.

Так я и отдал за этот комплект последние американские деньги. Помывшись, переоделся в чистую одежду, а грязную сложил в пластиковый пакет для мусора и забросил в кузов, положил приборы в алюминиевый чемодан, а вместо пистолета взял автомат.

— Ты чего? — Петрович посерел, увидев автомат в моих руках.

Я спрятал его за спинку кресла.

— Так, на всякий случай. Ты же не знаешь, что и как там? То-то. Веди, Сусанин. — Я завел двигатель.

— Да Ворота рядом. Метров триста проедем. Готовься. Главное — не нервничай. А то у меня от нервных и вооруженных переселенцев уже нервный тик.

Мы объехали склад, по заснеженному двору заехали в тяжелые ворота. Их поскорее закрыли, чтобы не выпускать воздух. В стеклянном стакане сидел охранник и смотрел какую-то программу по ТВ.

В складе ничего особенного не было. Так, обычный склад, ну утепленный. Рельсы с платформой, проходящие под покрашенной в зеленый цвет аркой со светофором. Эстакада, выходящая на платформу.

— Давай, заезжай. Слушай сюда, экстремал. Как зажгут желтый, заезжаешь на платформу, на зеленый глушишь мотор и не двигаешься. А лучше даже не дыши. Понял? Еще раз повторяю — замри, не двигайся и не дыши. Начнешь дергаться — погибнешь, учти. Понял? — Я кивнул, а по спине пополз ручеек холодного пота — от страха. Инструктаж тем временем продолжался: — На той стороне не вздумай нервничать, хвататься за автомат. Позовут, съезжай. Как скажут, так и делай. Ты же видишь, мы вас, переселенцев, не обманываем. Из Узбекистана в Россию провели. Ну ни пуха.

Зажегся желтый сигнал. Я заехал на платформу. На мой взгляд, «Егерь» с трудом умещался под арку, но мне показали большой палец. Зажегся зеленый, противно заняла сирена. Платформа медленно тронулась.

Передо мной в створке Ворот появилось зеркало, неровное, дышащее, заслонившее бетонную стену. Капот грузовика исчез в нем. Я рефлекторно вжался в спинку сиденья, пытаясь оттянуть этот неприятный миг. Посмотрел на свое отражение, изменчивое, мигающее, и, зажмурившись, въехал в него.

На меня нахлынуло странное ощущение. Будто наизнанку вывернули и обратно вернули. Неприятное ощущение. Но оно быстро ушло.

*Новая Земля. База «Россия». 22 год, 23-й день
число 9-го месяца*

Вой сирены прекратился. Я открыл глаза. В боковом зеркале из ничего появлялся кузов машины.

Впереди возникли открытые ворота, в них виднелось пасмурное небо. Платформа остановилась.

Большой пустой ангар. Нет, не пустой. Вон кар едет. Подтолкнул платформу к специальной горке.

Ко мне подошла темноволосая девушка:

— Пожалуйста, съезжайте поскорее. Проезжайте по линии, ставьте машину на стоянку номер три. Не задерживайтесь.

Девушка была одета в легкую форму, песочного цвета брюки подчеркивали длинные и стройные ноги, малиновый берет прикрывал коротко стриженные черные волосы. На тонкой талии над красивой попкой пристроился пистолет. Слишком большой пистолет для девушки. На ногах коричневые кроссовки, но, по-моему, какие-то форменные. По крайней мере, из стиля они ни на йоту не выбивались. Девушка пошла по линии на размеченную стоянку. Ворота с надписью «Нвбс» оказались не единственными, дальше в ряд шли «Ект», «СПб», «Мск», и так в обратную сторону. Заканчивался ряд воротами с надписью «Влдвст».

Оглядел большой двор с высоким бетонным забором, оплетенным поверху колючкой и замощенный бетонными плитами. Незнакомые запахи в воздухе, незнакомая трава в щелях между плитами. Даже небо, в котором где-то в высоте кружились птицы, казалось незнакомым. Невдалеке стояла пара парней в камуфляжной американской форме, в разгрузках, с американскими автоматами. Один подошел ко мне:

— Здравствуйте, со счастливым прибытием на Новую Землю. У вас есть оружие, которое необходимо опечатать? Хождение с оружием по территории базы запрещено, только после КПП распечатаете.

Так, вроде не обманули. Руки стали влажными, пришлось покрепче стиснуть руль, чтобы не дрожали пальцы. Точно, я где угодно, но не в Новосибирске. Теплынь такая, что аж жарко в теплой кожанке.

— Оружие есть: автомат, пистолет и два ружья. А во что запечатывать? — Я вылез из кабины, скинул куртку, снял вмес-

те со сбруей пистолет, свернул все и положил на ступеньку машины, потом достал из кабины автомат, вытащил рожок. Залез в кузов, вынул из багажа ружья.

Когда подошел к кабине, парень внимательно рассматривал автомат.

— Какой интересный. Откуда?

— Дед привез с войны, японский трофей.

— Мой тоже Квантунскую армию громил. Погоди, сейчас сумку принесу. Только посиди здесь, за тобой Джек присмотрит, правила такие. — И парень пошел куда-то во двор.

А Джек подошел, попросил на неплохом русском разрешения посмотреть автомат. Покрутил в руках, примерил к плечу и положил обратно.

— Знаете, сэр, мой дед тоже с джапами дрался в Юго-Восточной Азии. — Он подумал и продолжил: — Позвольте дать вам совет, сэр. Здесь вам предложат купить оружие. У нас так принято, и Орден очень неплохо на этом зарабатывает. Но сейчас на складах базы и в арсенале пусто. Не идите сейчас на оружейный склад покупать оружие. Ничего толкового там нет. Так, старые магазинные винтовки. На этой неделе через нашу базу прошло около восьми тысяч человек, в основном сербы из Косово. Раскупили все автоматы, самозарядные винтовки и карабины. Даже эти ваши, ППШ-1 и ППС-43 все выкупили. Даже старые пулеметы Максима. Так что подождите до ночи, придет мистер Эдвардс с базы «Америка», привезет оружие. Его сразу выложат в арсенале, потому что скоро снова начнут прибывать переселенцы. Правда, оружие в основном американское, но оно не хуже русского. А русское оружие должны привезти из Старого Света через несколько дней. А столько ждать вы не сможете, потому что на базе простой человек может пробыть не больше трех суток. И учтите, если вы пойдете с Еленой, то просто не сможете чего-либо не купить, она гениальный торговец.

Тут появился первый охранник и принес мне здоровую и явно очень прочную брезентовую сумку.

— Вот, потом с тебя деньги за нее снимут. Складывай сюда.

Я сложил оружие в сумку, мне ее запечатали через тросиковые петли.

— Все, бросай ее в кузов. За сохранность вещей не беспокойся. Лена, отведи, пожалуйста, клиента.

Девушка с пистолетом пошла впереди меня. Указала на тяжелую дверь, похожую на бронированную корабельную. Над дверью видеочамера и надпись: «Иммиграционная служба Ордена». О как, коротко и со вкусом! Толкнув дверь, вошел.

А ничего, мило. Аккуратенький офис, по-другому не скажешь. Кресла, диванчик, цветочки. За стойкой стоял молодой парень в форме и с пистолетом.

— Здравствуйте! Приветствую вас в Новом Мире. Разрешите вашу АйДи?

Этот монолог напомнил мне сетевых менеджеров, которые продавали за дикие деньги китайские утюги. «Сегодня ваш счастливый день», — и так далее. Я протянул карточку парню.

Тот проверил ее по компьютеру, что-то пощелкал мышкой, протянул мне карточку обратно:

— Итак, господин Яушкин Владимир, еще раз поздравляю вас с прибытием в Новый Мир, на нашу базу «Россия». Если у вас остались наличные деньги того мира, то можете потратить их здесь. По курсу три целых три десятых доллара за одну экю. Рекомендую купить путеводители и карту. Также часы, сделанные для этого мира. У нас здесь сутки состоят из тридцати часов, и последний час равен семидесяти двум минутам. Оборот планеты вокруг местного светила происходит за четыреста сорок дней.

— Простите, то есть год длится четыреста сорок дней? — перебил я парня.

— Да, вы правы. Так вы не ответили на мой вопрос. У вас осталась валюта земных государств?

— Нет, только золото. Его здесь принимают? А то я уже за сумку должен.

— Я проведу вас в отделение нашего банка, только сначала давайте зайдем к медикам. Требуется сделать небольшой осмотр и прививки. Не бойтесь, ничего страшного, просто профилактика. Никаких осложнений, процедуры для усиления иммунитета.

Ну-ну, ладно. Медосмотр так медосмотр. Я пошел за слегка вихляющим бедрами парнем. Гомик он, что ли?

Вскоре, получив дозу прививок и к ним какие-то сиропы, зашел в похожий на бункер местный банк.

— А что у вас так мрачно? Как будто к ядерной войне готовитесь, — спросил у служащей за стеклянной стенкой, кото-

рая взвешивала, проверяла на спектрографе и визуально осматривала слитки и монеты. Себе я оставил только бабушкино золото, на память. Все равно три монетки погоды не сделают.

— Вы знаете, когда осваивали этот мир, боялись всего. Решили перестраховаться. Вам причитается сорок тысяч экю. По одному экю за одну десятую грамма золота. Одна десятая взимается за обмен валюты. Деньги перечислены на ваш счет в Банке Ордена. — Она развернула монитор компьютера ко мне. — Вот, смотрите, сорок тысяч минус четыре тысячи, осталось тридцать шесть тысяч. Снимать будете? Это уже без процентов. Все вклады в наш банк охраняются, не подлежат никакому досмотру и разглашению. То есть гарантированная банковская тайна, в отличие от Старого Света. Но вот если вы захотите снять золото, то опять будет взиматься комиссия, еще десять процентов. Не думайте, мы не наживаемся, просто так спонсируется переселение людей в наш мир. Кстати, АйДи — это еще и банковская карта, по которой в любом почтовом и банковском отделении Ордена вы сумеете снять наличные. А оттиск вашей карты в отдельных случаях может быть и персональным чеком.

— Чем-чем?

— Персональным чеком. Объяснить, что это такое и как им пользоваться?

— Нет, спасибо, лучше я постараюсь до этого не доводить. Давайте округлим, пусть на счете остается круглая сумма, тридцать тысяч. Проценты на вклад начисляются?

— Нет, у нас пока нет инфляции. И конкуренции банков тоже, мало нас еще здесь. Вот ваши деньги. — Мне протянули мою айдишку, которая еще, как оказывается, выполняла функции банковской карты, и пачки местных денег, больше всего похожих на игральные карты. Причем пластиковые.

Пачки сотенных и полтинников, немного двадцаток и пригоршня мелочи. Тоже пластиковой. Шесть тысяч экю — много это или мало?

— А какая зарплата у квалифицированного рабочего здесь, в Новом Мире? Не знаете случайно?

Надо поинтересоваться, мало ли что. Переживать, впрочем, поздно. Но те сто тысяч я уже отбил, хотя и выиграл практически только на том, что не попался на фальшивках.

Впрочем, если еще посчитать проценты за перевод золота в экую... Получается неплохо.

— Вы знаете, если исходить из курса нашей валюты по отношению к доллару, то получается примерно как в США. То есть от семи до девяти сотен в месяц. Это немало, поверьте. Семья может снимать квартиру, питаться, одеваться, и еще немножко останется на удовольствия. Это при одном работающем человеке. Если работают двое, то намного легче.

Угу, в рай попал. Попрошавшись с любезной служащей, вышел на улицу. Там меня ждала девушка Лена.

— Вы не хотите купить оружие? Оружие здесь необходимо, поскольку мир еще дикий. И хищники не самая большая проблема, бандиты намного опаснее. Если есть желание, то у нас в арсенале можно взять старые армейские образцы. Нет пока? Тогда пойдемте обратно в Иммиграционный отдел, заберите все и расплатитесь. Следуйте за мной, прошу.

Девушка снова пошла впереди, крутя попкой и покачивая бедрами. Хорошенькая.

В общем, купил я карты, путеводители, часы Swatch. Хорошие такие, внушительные, вызывающие уважение добротностью изготовления.

Отказался от повторного приглашения посетить оружейку, сославшись на последнюю степень усталости, что в принципе было не так уж далеко от истины. Перепсиховал я как следует, так сказать точнее будет. Получил направления в местную гостиницу и бар и отправился туда.

А неплохо тут, культурно. Приятный дворик, кирпичные домики, даже фонтанчик со сквериком есть. О, а вот и гостиница. Вошел, постучал по звонку ресепшен. Из подсобки выглянул взъерошенный полный человек. С хорошим таким носом, армянским.

— О, простите. Котенка подарили переселенцы, а он вечно куда-нибудь да залезет. Никак не могу найти, волнуюсь. Здесь-то безопасно, а за забором его на один зуб местным хищникам не хватит. — Человек говорил на очень чистом русском языке с почти незаметным акцентом.

— Здравствуйте. Меня зовут Владимир. Это вы не его случайно ищите? — Я кивнул на сидящего на шкафу с ключами и вылизывающего себе самое ценное рыжего котенка.

— Точно! Ну ты, хулиган! — Армянин прижал зверя к груди, потрепал ему загривок и отпустил. Потом повернулся ко

мне. — Извините, изнервничался, пока искал. Он от девушек из персонала базы убегает, затискали они его. Вам комнату? Есть с душем и с ванной. С душем десять, с ванной пятнадцать.

— Давайте с душем, мне покемарить, перекусить — и в путь. Только сначала перекусить, уже девять часов не ел. Девушки при встрече смеются из-за того, что в животе урчит. И чаю, черного. Есть у вас? — Я сбросил сумку с шильно-мыльными принадлежностями на пол.

— Чай есть, но он здесь в несколько раз дороже кофе. Из-за ленточки доставляем, здесь не растет. Правда, русские душицу наловчились выращивать и кипрей, по-моему, идет на ура. Заваривается так, что цвет почти черный, очень душистая смесь. Даже англичане покупают. Вы давайте, занимайте номер, и ко мне. А то сейчас персонал на обед набежит, не продохнуть будет. Меня, извините за невежливость, Арамом зовут. — Мне протянули номерок с ключом.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, нашел номер. Не часто я в гостиницах ночевал, но эта оказалась очень неплоха. Уютно, светло, большая кровать, телевизор, вентилятор. Наскоро ополоснувшись, надел шорты, футболку, сандалии и пошел есть.

— Вот, пробуйте. Мясо антилопы с грибами и картошкой. Грибы здешние, с плантаций, шампиньоны. Привезли мицелий, здесь выращивают. Картофель тоже здесь растим, фермеры по три урожая в год снимают. Антилопа недавно еще бегала. А это вместо чая, немцы варят.

Передо мной поставили большую тарелку с горой мяса, горкой грибов в сметанном соусе и горкой жареной, нарезанной крупными кусками картошки. Рядом — небольшое блюдо с тоже нарезанными крупными кусками овощами. Рядом поставили большущую кружку темного пива.

— Вот, приятного аппетита. Не возражаете, если рядом посижу? А то сегодня вы — первый переселенец. Правда, к вечеру и ночью еще должно прийти несколько партий, и одиночек ожидаем.

Ням-ням, чес слово! Пахнет-то как! Я с удовольствием принялся за еду. Посолил помидорку, попробовал. Очень вкусная, обожаю помидоры. А мясо во рту тает.

Арам подождал, пока я утолю голод, налил себе маленький фужер пива и подсел ко мне.

— Ну как вам?

— Замечательно! Просто потрясающе вкусно. Как вы здесь справляетесь, ведь говорят, что за эту неделю восемь тысяч человек здесь побывало? Кстати, как это такое количество людей через несколько этих самых Ворот успело пройти? Вроде не самая быстрая процедура? И как отправили отсюда в мир восемь тысяч человек? Это же минимум триста автобусов, если считать по сидячим местам.

— Вы знаете, у нас три площадки по десять Ворот, это кроме нашей. Украина есть, Чехия со Словакией, Польша, Болгария. Только Беларуси нет. Когда идет такой массовый ввоз людей, переселенцами обычно оказываются бедные. Те же сербы отдавали дома за бесценок, просто бежали от войны. Поэтому у меня за Воротами, в технической зоне, есть еще небольшое общежитие. Селю людей туда. Если здесь номер стоит десять экую в сутки, как ваш, например, или пятнадцать — это номер с ванной, то там стоимость ночевки три экую, но шесть коек в комнате, постель меняю только после отъезда постояльцев, телевизоров и музыкальных центров нет, душ и туалет общие на этаж. Но люди довольны. А кормлю в таких случаях с помощью администрации базы, они сухие пайки выделяют. Ну а я подбрасываю кофе, отвар трав, соки и фрукты — детям и женщинам, пиво — мужикам. Сербов отправили поездом. Четыре эшелона. Последний как раз перед вашим переходом ушел. Еле хватило вагонов. В общем, справляемся. Если не секрет, откуда вы прибыли, молодой человек? — Арам внимательно, но при этом доброжелательно посмотрел на меня.

— Из Ташкента. Угораздило попасться вербовщику, оказался нашим соседом. Ну и уговорил. Впрочем, я недолго сопротивлялся, но до конца все же не верил, что это правда. Скажите, как здесь вообще живет?

— Нормально, если человек любит работать. Понимаете, здесь все работают. Хозяева гостиниц, сотрудники Ордена, водители, старатели, моряки, шахтеры — все. Даже бандиты в большинстве своем пашут на ниве разбоя, негодяи проклятые, скорее бы их всех перевешали. И ведь выгодно здесь работать. Вот, например, я. Выплачиваю общий налог пятнадцать процентов с прибыли. И все. Ну разумеется, я подсуетился, сумел пробить разрешение на строительство отеля и бара, но факт-то остается фактом. Мне, что самое главное, не

мешали. И не мешают. Ну разве пляжный ресторанчик особо нетерпеливые особы порой не по назначению ночью используют. В той России, в Санкт-Петербурге, замучили проверками, наездами, угрозами. Каждый прыщ пытался показать, какой он самый-самый. Здесь такого нет. Надоест мне здесь, продам бизнес и уеду в ту же Новую Одессу. Или в Форт-Ли. Или еще куда. Здесь хорошие люди везде необходимы. Потому что нас здесь мало. Зато если ты дерьмо в душе, то это моментально вычисляется. Кстати, даже если человек уж совсем нехороший, но при этом не совершил преступлений, то его за ворота городка или поселка выставят только утром. Ночи здесь очень опасные. Ладно, утомил я вас, наверное. Отдыхать будете? Через час стемнеет.

— Нет, прогуляться хочу, это же прибор слышен? Давно на море не был. — Мне уже давненько не давал покоя этот ритмичный, звучащий на грани восприятия грохот.

— Да, прямо за дверью повернете направо и идите по дорожке, огражденной белыми кирпичами. Только это не море, а Залив. В воду пока, смотрите, не лезьте. Вы человек здесь новый, опасных моллюсков и много чего еще не знаете. Зачем рисковать? Лучше просто на закат посмотрите, на него у нас полбазы постоянно смотрит. Погодите, вот, возьмите с собой. А то закат без пива — не закат.

Мне протянули упаковку из четырех трехсоттридцатиграммовых бутылок пива. Вроде по-немецки написано на этикетках.

Пройдя по выложенной тротуарной плиткой дорожке, огражденной поставленными на ребро силикатными кирпичами, я попал на небольшой песчаный пляж. Чуть поодаль волны с гулким плюхом били в небольшие скалы берега. Пляж с правой стороны завершался пляжным ресторанчиком, солидной такой террасой на сваях. За пляжем, метрах в восьмистах, виднелись относительно небольшие причалы и стоял портовый кран. Еще дальше начинались склады и прочие хозяйственные строения из рифленого железа.

Я прошел мимо расположившихся на шезлонгах парочек и уселся на обломок скалы, подставив лицо летящим брызгам. Облизнул моментально повлажневшие губы. Чуть солоновато, как в пустынных колодцах. По-моему, эту воду пить можно, если сильно подопрет. Невкусно, конечно, но не смертельно. Но зачем пить соленую воду, если мне дали пиво?

Откинувшись на еще горячий камень, я прихлебывал из горлышка запотевшей бутылки чуть горьковатый напиток. Он прекрасно оттенял мое настроение. Восхитительно, но немного печально.

Огромное солнце медленно опускалось за горизонт где-то над континентом, погружая в темноту и воду, и берег. Сильный ветер дул в лицо. Как его называют? Пассат? Или муссон? В принципе какая разница, если он так здорово холодит промокшую майку.

Ладно, пойду покемарю до утра. Да и книжки почитать нужно. Я взял пустые бутылки, встал с камня и пошел в отель. По дороге выкинул бутылки в небольшой зеленый пластиковый мусорный бак с переворачивающейся крышкой.

У Арама попросил газету с информацией о торговых операциях и получил оную, но за прошлую неделю. Такая толстушка вроде «Из рук в руки». Нужно цену на инструмент прикинуть.

В номере снова влез под душ, основательно постоял под почти кипятком, побрился, ополоснулся уже ледяной водичкой, растер ставшую гусиной кожу белым махровым полотенцем, оделся, взял пакет с грязным бельем, отнес в конец коридора, в небольшую хозяйственную комнату. Как и сказал Арам, там стояли стиральные машинки-автоматы.

Забросил в одну из них вещи, засыпал порошок и раскислитель, включил на максимально тщательную стирку и отжим, после чего пошел в номер. Два часа у меня имелось.

Завалившись на кровать, достал первую брошюрку-путеводитель, ею оказалась так называемая «Памятка переселенца». Надо полистать, посмотреть, что и как.

Дочитал до слов: «Ордену, несмотря на это, удастся сохранять нейтралитет и оставаться над схваткой. Все стороны, втянутые в конфликты, знают, что Орден работает на каждого поселенца, независимо от цвета кожи, убеждений и веры...»

Хм... прям благодать какая-то. Нужно будет в миру переговорить с сотней-другой людей, порасспросить. Потом прожить пару лет, тогда уже можно делать выводы. Так, что там дальше?

В разделе «Хищники и опасные животные» просмотрел картинки страшилищ, по ошибке именуемых дикими хищниками. Мама дорогая, это что за ужасы? И это называли гие-ной? Тигрокрыс копытный скорее, причем очень породи-

стый. Или эта милая ящерка, именуемая «каменным вараном». Прошелся по комнате, прикинул ее размеры. Получилось, что ящерка выглянет в окно, еще окончательно не войдя в дверь. Да уж, фауна. Впрочем, имелись и антилопы, и рогахи, одна внушительная черепушка представителя отряда рогоносцев была прибита над дверью бара.

Так, а что у нас с ядовитыми тварями? О, тоже полный набор. Змеи, большущие. Но какие красивые они на этих фотках. Знакомый серпентолог из Ташкентского зоопарка отдал бы свои любимые очки, чтобы на них вживую посмотреть. Интересное местечко.

Всякие-разные насекомые. Кусают, откладывают яйца. Местные кровососы тоже имеются. Некоторые очень неприятные, но ареал их обитания находится южнее Залива.

Так, а где у нас Россия? Я развернул карту. Похоже на какой-то перешеек, проход между материками. Россия, получается, расположена где-то на краю населенных земель, да еще Чечню под бок подложили. Н-да. Далековато. Но дорога в тысячу миль начинается с первого шага. Правда, здесь миль несколько больше.

Посмотрел на часы, пошел в бытовку, вытащил из машинного чрева выстиранные тряпки и развесил на небольшом балкончике на специально растянутой проволоке.

Пошел в номер, включил в музыкальном центре радио, нашел волну со спокойной и неторопливой музыкой в стиле кантри, сделал минимальную громкость. Поглядел на часы. Двадцать шесть часов сорок семь минут. Непривычно как!

Просмотрел газету, статьи в ней были в основном по-английски, нашел пару номеров телефонов фирмочек в Порто-Франко, которые занимались продажей инструмента, сальников, подшипников и прочей металлической мелочи. Посмотрел цену на некоторые фрезы и токарные резцы, примерно перевел ее на возможные цены другого инструмента. Не поленился, встал и взял блокнот, сделал приблизительную раскладку, убрал четверть стоимости на опт. А неплохо может выйти, тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

И завалился спать.

Утром встал впотьмах, в три сорок, когда еще не рассвело. Негромко играла музыка. Как неудобно. У меня с моим режимом все через голову летит. Привык я жить по расписанию. Подъем, завтрак, работа, дом — все по графику. Даже в вы-

ходные без будильника вставал. Теперь придется отвыкать. Но с другой стороны, длинный день — это здорово. И отдохнуть можно, и поработать.

Я пошел в душ. Умывшись, спустился в бар. Несмотря на очень раннее утро, бар был открыт. За стойкой стояла блондинка средних лет.

— Здравствуйте. Кофе можно? Черный, без сахара. И пару каких-нибудь пирожных или булочек?

— Доброе утро. Сейчас все будет. Вы ведь новичок, верно?

Женщина запустила кофемолку, приготовила из свежемолотых обжаренных зерен кофе. Запах пошел на весь зал. Это днем народу много, все что-то пьют и едят, запахи смешиваются. А тут — вкусный дух отменного черного кофе в ночном воздухе. Обалдеть! В открытые окна вливалась ночная свежесть. За окном стояла тишина. Слышались крики неизвестных ночных птиц. Вдалеке проревело какое-то животное. На моих электронных часах было четыре часа утра. По идее рассвет еще не скоро.

Выпил пару чашек кофе, съел пару горячих сдобных булочек, подошел к занимающейся чем-то за стойкой женщине и спросил насчет оружейки.

— О, а она уже открыта. Лена туда переселенку повела, новенькую. Так что идите, там вечером оружие загрузили, завезли с американской базы.

Я и пошел — по влажному от утренней росы асфальту. Чувствовалось присутствие рядом большой воды: воздух влажный и йодом пахнет. За забором глухо и злобно выла какая-то животина.

Подойдя к броняхе, отделяющей гражданскую часть базы от служебной, я нажал на кнопку селектора и объяснил дежурному, чего хочу. Щелкнул электрический замок, дверь приоткрылась.

Меня встретила полноватая шатенка с собранными в хвост длинными волосами, в форменном брючном костюме и с неизменной кобурой на поясе. Провела до дверей арсенала, распахнула их, крикнула внутрь, что привела клиента, и отступила в сторону. Когда я прошел и поблагодарил ее, женщина громко и с чувством зевнула и вернулась на прежнее место.

Сам арсенал оказался невеликим, обычный бетонный бункер с неотделанными стенами, потолком и полом из плит.

Об оружии, машинах, самолетах, кораблях и рациях

«**GRC-9**» — старая американская радиостанция конца сороковых — начала пятидесятих годов двадцатого века.

«**Icom IC-R2**» — небольшая рация со способностью сканирования всех каналов.

«**Mayday**» — сигнал бедствия в голосовом исполнении.

«**Алан**» (Alan 100 plus) — самая рабочая автомобильная станция. Стоит на множестве машин в этом мире. Простая и надежная.

«**Бивер**» (Де Хэвилленд ДНС-2 Бивер (Beaver — бобр) — одномоторный многоцелевой самолет. Великолепный самолет, работает повсюду, где только можно.

«**Бонанза Барон**» — главный герой ошибается, имеется в виду Beechcraft Baron, небольшой двухмоторный самолет, способный нести пять пассажиров.

«**Буханка**» (от УАЗ-452 до УАЗ-3741) — специальный грузопассажирский полноприводный двухосный автомобиль повышенной проходимости с колесной формулой 4x4. Машина выпускается Ульяновским автозаводом с 1957 года. Автомобиль производится как в кузовном (вагонном), так и в бортовом варианте («головастик»). Ну очень проходимая машина.

«**Вектор**» (Vector SS-77) — единый пулемет производства ЮАР. Калибр 7,62x51 НАТО, питание ленточное.

«**Град**» (РСЗО 9К51 «Град») — советская реактивная система залпового огня (РСЗО) калибра 122 мм. Наследница легендарной «катюши», эта система способна разнести все на поверхности земли. Шасси на базе ЗИЛ-131 может доставить ее практически к черту на кулички, а сам «Град» способен показать, где раки зимуют.

«**Дезерт Игл**» (Desert Eagle, «Орел пустыни») — очень мощный пистолет, разработанный в Израиле.

«**Егерь**» (ГАЗ 3308) — грузовик Горьковского автомобильного завода. Пятиместная кабина, четыре колеса на двух осях, движок от трактора «Беларусь». Неплохой агрегат для плохих дорог.

«**Еська**» (Yaesu FT-897D All) — радиостанция. Одна из лучших любительских станций.

«**Ивеко**» (итальянская боевая бронированная машина) — предназначена для перевозки личного состава. В России выпускается по лицензии под названием «Рысь».

«**Имбел**» — бразильская автоматическая винтовка, лицензионная копия FN FAL, имеющая некоторые отличия. Калибр модели LAR 7,62x51 НАТО, модели MD-2 и MD-97 5,56x45 НАТО.

«**Исудзу**» — грузовик японской фирмы «Isuzu Motors Ltd». Эта фирма производит большой модельный ряд грузовиков и делает отличные джипы и пикапы.

«**Каталина**» (Consolidated PBY Catalina, «летающая лодка») — самолет-амфибия, морской двухмоторный бомбардировщик, самолет-спасатель. Разработанный в тридцатых годах, этот самолет в составе сил антигитлеровской коалиции воевал над всеми морями в составе всех флотов. Он до сих пор работает и летает.

«**Кенвуд**» (KENWOOD TM-642) — имеется в виду лучший на тот момент девайс, удобная и мощная автомобильная радиостанция.

«**Корд**» (крупнокалиберное оружие дегтяревцев) — российский крупнокалиберный пулемет, разработанный коллективом завода имени Дегтярева после распада СССР для замены НСВ, производство которого осталось в Казахстане. Мощный, легкий, надежный пулемет. Калибр 12,7x108, питание ленточное.

«**Ленд-Крузер Прадо**» (Land Cruiser Prado) — надежный, мощный и комфортабельный автомобиль от «Тойоты Моторс». Несмотря на блестящий вид, неплохой рамный вездеход.

«**Лимонка**» — советская и российская оборонительная граната Ф-1. Ее невозможно ни с чем перепутать из-за чугунного литого корпуса.

«**Лама**» («Llama») — испанская копия «Кольта М-1911М1». Калибр 45АСР

«**Медведь**» — самозарядный охотничий карабин производства Ижевского машиностроительного завода. Оружие мощное, точное и дорогое.

«**Миними**» — бельгийский пулемет огневой поддержки отделения. Калибр 5,56x45 НАТО. Питание ленточное.

«**Моторола**» — носимая портативная рация от американской фирмы «Motorola». Привлекают множество моделей, дешевизна, доступность этих «ходи болтаек». Их можно приобрести в любом магазине сотовой связи.

«**Пайпер Джей 4**» (Piper J-4) — американский легкий двухместный самолет общего назначения. Выпускался в 1939 — 1942 годах прошлого века. Машинка надежная, неприхотливая. Кроме того, сохранилось множество чертежей в этом мире, и множество любителей сами строят себе такие самолетики. Потому руководство ПРА и решило начать свое авиапроизводство с этой модели.

«**Печенег**» — единый пулемет российской разработки. Стоит на вооружении Российской армии. В отличие от ПКМ способен выпустить одной очередью до четырех сотен выстрелов. Для этого используют специальный кожух поверх ствола и хитрую систему распределения нагрева ствола и его охлаждения. Калибр 7,62x54 Русский, питание ленточное.

«**Ругер-Блэкхок**» — очень мощный и тяжелый револьвер американской фирмы «Ругер». Одинарного действия, в барабане шесть патронов калибра 44 Ремингтон Магнум.

«**Садко**» — двухтонный вездеходный грузовик ГАЗ-3308, наследник ГАЗ-66, знаменитой «Шишиги».

«**Сайга**» — охотничьи гладкоствольные и нарезные карабины производства Ижевского машиностроительного завода. Калибры 410, 20, 12, .223 Ремингтон, .308 Винчестер, 5,45x39, 7,62x39, 9x54.

«**Скания**» — грузовик шведской фирмы Scania АВ, входящей в концерн SAAB. Все грузовики этой фирмы надежные, мощные и удобные.

«**Тигр**» (ГАЗ-2230) — российский армейский автомобиль повышенной проходимости, имеющий некоторую бронезащиту и возможность установки бортового вооружения.

«**Тукано**» (EMB-312 Tucano и EMB-314 Super Tucano) —

производства бразильской компании EMBRAER. Легкий турбовинтовой штурмовик. Но легкий по нынешним временам, боевая нагрузка штурмовиков составляет больше тонны высокоточного оружия. «Тукано» способен часами выискивать бандформирования в джунглях и потом мощным огненным ударом уничтожить их. Кроме того, эти штурмовики могут вести и воздушный бой, для чего оснащаются ракетами «воздух — воздух» ближнего и среднего радиусов действия.

«Утес» — крупнокалиберный пулемет конструкции НСВ-12,7 Никитина, Соколова и Волкова. Заменял в Советской армии ДШК и ДШКМ. Очень легкий пулемет для такого калибра. Калибр 12,7x108, питание ленточное.

«Файв-севен» — бельгийский пистолет калибра 5,7 мм. Очень мощный и высокоскоростной патрон.

«Фотон» — грузовичок китайского производства. Машина неприхотливая и относительно надежная.

«Хамви» (HMMWV, High Mobility Multi-Purpose Wheeled Vehicle — высококомобильное многоцелевое колесное транспортное средство) — понятно, что при таком названии можно язык сломать, и не один раз, поэтому инженеры быстро придумали ему имя попроще. Основное транспортное средство Патруля.

«Хаммер» (HUMMER) — гражданская версия «хамви».

«Хеклер и Кох НК-11» — ручной пулемет, разработанный компанией «Хеклер и Кох» на базе винтовки G3. Калибр 7,62x51 НАТО, отъемные магазины на двадцать (коробчатый) и пятьдесят (барабанный) патронов.

«Штайер Солотурн» («Steyr-Solothurn», S1-34) — австрийский пистолет-пулемет. Выпускался перед Второй мировой во множестве калибров, но для Китая и Японии шел в калибре 7,63x25 Маузер, то есть вполне мог стрелять патронами советского производства.

44 Магнум — имеется в виду револьверный патрон калибра 44 Ремингтон Магнум, очень мощный револьверный боеприпас. В метрической системе калибр 11,18x33 мм. Гильза, как у большинства револьверов, с рантом.

458 Винчестер — охотничий винтовочный «африканский» калибр. 458 Винчестер Магнум — «слонобой».

Аг-10 — американская автоматическая винтовка. Так же как и М-16 (тогда еще Аг-15), и даже несколько ранее, разра-

ботана Юджином Стонером и имеет просто большой калибр. В серию в США не пошла, но гражданских и снайперских полуавтоматических модификаций имеет множество. Отличная винтовка по точности и мощности.

DC-3 («Дуглас DC-3») — американский двухмоторный самолет. Разработанный в середине тридцатых годов, этот самолет работает по наши дни. Пилоты говорят: «Дуглас» невозможно сломать, его можно только разбить».

F4 — валовые армейские австралийские патроны калибра 7,62x51 НАТО.

FN FAL — бельгийская автоматическая винтовка, одна из самых распространенных винтовок в мире. Имеет множество модификаций и клонов, как лицензионных, так и «пиратских». Калибр 7,62x51 НАТО, емкость магазина двадцать патронов.

G3 — автоматическая винтовка, состоявшая на вооружении в ФРГ в шестидесятых — девяностых. Калибр 7,62x51 НАТО, магазин на двадцать патронов.

MG3 — единый немецкий пулемет, прямой наследник «пилы фюрера» — MG42. Состоит на вооружении Бундесвера. Проверенный временем и войнами пулемет. Калибр 7,62 НАТО, питание ленточное.

АГС-17 — советский автоматический станковый гранатомет. Калибр 30x29, питание ленточное.

АК-103 (автомат Калашникова сотой серии) — имеет складной пластиковый приклад, боковую планку для установки оптических и ночных прицелов. Как и все автоматы «калашникова», очень надежен. Калибр 7,62x39.

АК-74 — автомат Калашникова образца 1974 года. Тоже не нуждается в представлении. Великолепный автомат. Калибр 5,45x39, магазин на тридцать патронов.

АКМ (автомат Калашникова модернизированный) — известнейшее и великолепное оружие. Калибр 7,62x39, тридцатипатронный магазин.

АКМН (автомат Калашникова модернизированный ночной) — отличается от обычного АКМ наличием боковой планки для крепления ночного прицела или оптики.

АКМС (автомат Калашникова модернизированный складной) — отличается от АКМ стальным прикладом, скла-

дывающимися вниз, под ствольную коробку. Калибр 7,62x39, магазин на тридцать патронов.

АКС-74У (автомат Калашникова складной, образца 1974 года, укороченный) — имеет ряд отличий от АКС-74, более короткий ствол и перекидной прицел на 200 и 400. Калибр 5,45x39, магазин на тридцать патронов.

Ан-12 — советские транспортные самолеты КБ Антонова, сделанные в Ташкенте, на Ташкентском авиационном промышленном объединении имени Чкалова. Четыре турбовинтовых двигателя, двадцать тонн груза, способность садиться на грунтовые полосы при надежности и неприхотливости самолета сделали его очень полезным в «хозяйстве» Советской и Российской армии.

Ан-2 («аннушка») — одномоторный биплан КБ Антонова. Самый большой одномоторный биплан в мире. Великолепный самолет, способный сесть на пятачок и с него взлететь, неся при этом тонну груза.

АПС (автоматический пистолет Стечкина) — надежность, калибр 9x18, двадцать патронов в магазине, способность стрельбы очередями и пристегивающаяся кобура сделали его очень популярным среди офицеров Советской и Российской армии.

«**Браунинг НР**» (FN Browning или НР) — бельгийский пистолет, разработанный Джоном Браунингом и модернизированный Дидье Сэвом. Калибр 9x19 Люгер, емкость магазина тринадцать патронов. Один из лучших пистолетов времен Второй мировой. Да и сейчас очень хороший пистолет, выпускается во многих модификациях.

БРДМ-2 (бронированная разведывательно-дозорная машина второй модели) — очень проходимый агрегат с легким бронированием и мощным пулеметным вооружением, включающим в себя КПВТ и ПКМТ.

БТР-80 — советский бронетранспортер. Везет отделение солдат, имеет противопульное бронирование, четыре оси и восемь колес. Вооружен КПВТ и ПКМТ в башенке.

В-11М («ведюха») — морская тумбовая двухорудийная тридцатисемимиллиметровая автоматическая установка. Простая и надежная зенитная пушка.

В-47 — буксируемая двухорудийная зенитная тридцатисемимиллиметровая установка. При помощи этих пушек во

Вьетнаме было сбито немало самолетов и вертолетов ВВС США и Южного Вьетнама. Да и в других конфликтах эти пушки отметились. Считается, что пушками 62-К и В-47 советского производства и их китайскими клонами сбито больше всего самолетов в двадцатом веке.

«**Веблей Марк 4**» — британский револьвер времен Первой и Второй мировых войн.

ВОГ-25 — выстрел к советскому или российскому подствольному гранатомету.

«**Гелендваген**» (Mercedes-Benz) — семейство немецких внедорожников, гражданских и военных. Надежные, мощные машины.

Д-30 — советская двадцатидвухмиллиметровая буксируемая пушка-гаубица. С конца шестидесятых годов и до наших дней эти пушки исправно служили армиям мира.

ДП («дегтярев» пехотный образца 1927 года) — ручной пулемет. Прошел все конфликты до ВОВ и всю Вторую мировую. Калибр 7,62x54 Русский, отъемный дисковый магазин на сорок семь патронов.

ДПМ («дегтярев» пехотный модернизированный) — пулемет ДП, в который в конце Великой Отечественной внесли несколько изменений. Например, перенесли возвратную пружину из-под ствола назад и вверх, несколько изменив внешний вид пулемета. Да, еще пистолетную рукоять добавили для удобства.

ДШК («дегтярев-шпагин» крупнокалиберный, «дашка») — крупнокалиберный советский пулемет. Калибр 12,7x108, питание ленточное.

«**Збровка-Брно**» (ZB-26) — чешский ручной пулемет. После захвата Чехии фашистской Германией эти пулеметы поступили на вооружение вермахта и воевали по всем фронтам. Калибр 7.92x57 mm Mauser, отъемный коробчатый магазин на двадцать патронов.

ЗИЛ-131 — практически армейский внедорожный грузовик. Трехосный, шесть колес, все ведущие. Грузоподъемность пять тонн. Имеет множество модификаций. Для своего времени отличный агрегат.

ЗИС-3 — советское дивизионное семидесятишестимиллиметровое артиллерийское орудие времен Второй мировой.

ЗУ-23 — послевоенная буксируемая автоматическая двух-

орудийная зенитная установка калибра 23 мм. Установка находится на вооружении Российской армии и множества армий мира. Хотя с прямыми обязанностями зенитки она не очень справляется из-за возросшей скорости самолетов, но против пехоты, БТР и БМП ее хватает за глаза. То есть — на расстоянии взгляда.

Иж-27 — двуствольное вертикально-спаренное ружье Ижевского механического завода. Выпускается в калибрах 12, 16, 20, 28, 410.

Иж-39 — спортивно-охотничье ружье 12-го калибра с вертикально-спаренными стволами производства Ижевского механического завода.

Канонерская лодка — небольшой артиллерийский кораблик с мощным пушечным вооружением. Предназначен для боевых действий в реках, озерах и прибрежной зоне морей и океанов.

Карабин-трехлинейка — карабин Мосина образца 1938 или 1944 года. Калибр 7,63x54 Русский, в неотъемном магазине пять патронов.

«Колт М-1911А1» (Colt Government) — легендарный пистолет конструкции Джона Браунинга, в 1911 году принятый на вооружение армии США и снятый с вооружения в восьмидесятых годах прошлого века. В корпусе Морской пехоты США до сих пор на вооружении. Один из самых популярных пистолетов в мире. Калибр 45 АСР.

КПВ (крупнокалиберный пулемет Владимирова) — самый мощный пулемет из ныне действующих. Калибр 14,5x115 мм, питание ленточное. Имеет танковую, пехотную и зенитную модификации.

Ли-2 («Лисунов-2») — лицензионная копия американского транспортного самолета DC-3. Самолет прошел всю Великую Отечественную, выполняя самые различные функции, от бомбардировщика авиации дальнего действия до санитарного самолета. После Великой Отечественной войны Ли-2 очень долго служил в Аэрофлоте, ледовой разведке и прочих службах СССР.

ЛЦУ — лазерный целеуказатель. Применяется как на авиаторах, так и при наведении крылатых ракет.

М1 «Гаранд» — американская полуавтоматическая винтовка. С ней американские солдаты прошли всю Вторую ми-

ровую от островов на Тихом океане до Нормандии и Германии. Калибр 7,62x63 или 30-06 Спрингфилд. Восемь патронов в специальной пачке. До сих пор американские солдаты используют эту винтовку, но только как парадно-караульное оружие. Примерно как Кремлевский полк карабины Симона.

М-113 — американский гусеничный бронетранспортер.

М14 — американская автоматическая винтовка. Мощная, точная. Но на вооружении армии состояла недолго, была заменена во Вьетнаме на М16. Калибр 7,62x51 НАТО, коробчатый отъемный магазин на двадцать патронов.

М16 — американская автоматическая винтовка, известная практически всем, по крайней мере, по кинофильмам. Последние модификации вполне надежны, а точность и комфортность у этой винтовки были всегда. Калибр 5,56x45 НАТО или 223 Ремингтон.

М1919 — американский станковый пулемет. Калибр 7,62x63 или 30-06 Спрингфилд. Имеет перестволки под 7,62x51 НАТО. Питание ленточное.

М21 — американская самозарядная снайперская винтовка. Калибр 7,62x51 НАТО, питание из отъемных двадцатизарядных магазинов.

М240 — американский единый пулемет (лицензионная копия бельгийского FN MAG). Калибр 7,62 НАТО, питание ленточное.

М2НВ (Browning M2НВ, «Heavy Barrel» — тяжелый ствол) — крупнокалиберный американский пулемет конструкции Джона Браунинга. Отменная по надежности и точности машина, состоит на вооружении множества армий больше семидесяти лет. Калибр 12,7x99, питание ленточное.

М4 — американская штурмовая винтовка, укороченная версия М16. Калибр 5,56x45 НАТО.

М-42 — советская противотанковая сорокапятимиллиметровая пушка образца сорок второго года. Калибр 45 мм, стреляет или бронебойными снарядами, или осколочной гранатой. Солдатское прозвище «сорокапятка».

М59 — валовые армейские американские патроны калибра 7,62x51.

М60 — американский единый пулемет. Имеет недостатки, но долго состоял на вооружении армии США, прошел много

войн и конфликтов. До сих пор состоит на вооружении Национальной гвардии. Калибр 7,62x51 НАТО, питание ленточное.

М-62 — авиационный двигатель, был разработан конструктором А. Д. Швецовым. Выпускался в больших количествах и устанавливался на советские истребители И-15, И16 и И-153. В 1940 году модернизирован и под названием М-62ИР (АШ-62ИР) установлен на Ли-2 и Ан-2.

М-82 (АШ-82) — авиационный двигатель А.Д. Швецова. Устанавливался на самолетах Су-2, Ла-5, Пе-2, Ту-2. Очень хороший и мощный поршневого двигателя, имеет много модификаций.

Марголин — «марголин» спортивный или «марголин» целевой являлись основным спортивным пистолетом СССР. Калибр мелкашечный, 5,6 или 22 LR.

Ми-2 — многоцелевой вертолет КБ Миля. Производится в Польше. Хороший и надежный вертолет, работает и летает по всему старому миру во всех регионах. При необходимости навешиваются комплексы вооружений.

МИ-24 («крокодил») — армейский ударный вертолет, способный нести кучу подвесного ракетного оружия и имеющий встроенное пулеметно-пушечное вооружение.

Ми-8 — многоцелевой вертолет КБ Миля, выпускается на Казанском вертолетном заводе. Мощная, тяжелая и надежная машина. Способна перевозить и солдат с техникой, и навесные комплексы вооружений, при этом становится грозной боевой машиной.

Монитор береговой обороны — мощно бронированный артиллерийский корабль с малой осадкой, позволяющей ходить в реках и около побережья.

Мосинка (магазинная винтовка Мосина образца 1930 — 1991 годов) — основная боевая винтовка РККА до конца Второй мировой. Простая, надежная, точная. Калибр 7,62x54 Русский, емкость неотъемного магазина пять патронов.

МЦ-2001 — магазинная одностволка Тульского оружейного завода двадцатого калибра. Пара патронов в отъемном магазине, болтовой затвор. Легкое и неприхотливое ружьецо.

МЦ-2112 — тульское самозарядное охотничье ружье двенадцатого калибра. Тяжелое, длинноствольное, очень кап-

ризное. Но, если на руки попадает удачный экземпляр, великолепный бой ружья компенсирует все недостатки.

Наган — семизарядный легендарный револьвер образца 1895 года системы Нагана. Калибр 7,62 Наган.

НУРС — неуправляемый реактивный снаряд.

ОДАБ (объемно-детонирующая авиабомба, «вакуумная бомба») — самый мощный боеприпас, за исключением атомной бомбы.

Пип-сайт — диоптрический прицел. Фактически небольшое кольцо, сквозь которое смотрят на мушку и мишень.

ПКМ (пулемет Калашникова модернизированный) — единый пулемет, состоящий на вооружении Российской армии. Очень надежен, легок, мощен. Калибр 7,62x54 Русский, питание ленточное.

ПКМС (пулемет Калашникова модернизированный станковый) — на треножном станке.

ПМ (пистолет Макарова) — основной пистолет Советской армии после Второй мировой. До сих пор состоит на вооружении Российской армии. Калибр 9x18, магазин на восемь патронов. Легкий, надежный и достаточно удобный пистолет.

ППС-43 (пистолет-пулемет Судаева) — лучший пистолет-пулемет Второй мировой. Калибр 7,62x25ТТ. Магазин — рожок на тридцать пять патронов (не взаимозаменяемый с ППС-41).

ППШ-41 — пистолет-пулемет Шпагина образца 1941 года. ППСШ вместе с трехлинейкой были основным оружием советской пехоты во время Великой Отечественной войны. Калибр 7,62x25ТТ, магазин, или барабан, на семьдесят один патрон или рожок на тридцать пять патронов у образца 1943 года. Рожковые магазины подходят и к образцу 1941 года.

Проект «Свердлов» — советские артиллерийские послевоенные крейсера проекта 68-бис. Лучшие корабли в мире в своем классе. Вооружены в общей сложности двенадцатью стопятидесятидвухмиллиметровыми орудиями в трех орудийных башнях, двенадцатью стомиллиметровыми орудиями в двух орудийных башнях и шестнадцатью двухпушечными зенитными автоматическими артиллерийскими установками калибра 37 мм.

ПСМ (пистолет самозарядный малогабаритный) — советский пистолет. Принят на вооружение армии, МВД и КГБ.

Крохотный, надежный, мощный при таком малом калибре. Но не сильно распространенный. Калибр 5,45x18.

ПТ-76 (плавающий танк) — произведен в СССР, способен преодолевать очень значительные водные преграды. Вооружен семидесятишестимиллиметровой пушкой и ПКМТ.

ПТРД (противотанковое ружье Дегтярева образца 1941 года) — однозарядное, но с автоматически открываемым затвором и экстракцией стреляной гильзы. Ружье прошло всю Великую Отечественную, да и сейчас ему по зубам многие бронемашины.

ПТРС (противотанковое ружье Симонова образца 1941 года) — самозарядное. Калибр 14,5x115, пять патронов в специальной обойме. Тоже прошло всю Великую Отечественную.

Пулемет Максима — известнейшее изобретение Хайре Максима. В русской, затем в Красной, а затем и в Советской армии — основной станковый пулемет. До сих пор есть на складах резерва. Калибр 7,62x54 Русский, питание ленточное.

РГО (ручная оборонительная граната) — разработана в СССР во времена Афганской войны. Имеет специальный взрыватель, который через секунду после броска гранаты способен мгновенно взорвать снаряд при попадании его на землю, в укрытие и так далее.

Револьверные гранатометы — в данном случае южноафриканский револьверный гранатомет Milkor MGL Mk.1S. Калибр 40x46, шесть патронов в барабане.

РП-46 — ротный пулемет образца сорок шестого года, модернизация под ленточное питание с тяжелым стволом пулемета Дегтярева (ДП). Состоял на вооружении СА вместе с СГМ до замены их на единый пулемет Калашникова. Калибр 7,62x54 Русский, питание ленточное или от дисковых магазинов емкостью сорок семь патронов.

РПД (ручной пулемет Дегтярева) — пулемет огневой поддержки пехотного отделения, замененный впоследствии на РПК. Но не потому, что РПК лучше, а из-за удобства производства. Калибр 7,62x39, питание из ленты на сотню патронов.

РПК (ручной пулемет Калашникова) — фактически автомат «калашников» с тяжелым и длинным стволом и увеличенной емкостью магазинов на сорок и семьдесят пять патронов.

Можно применять и автоматные магазины-тридцатки. Надежное, относительно мощное и неприхотливое оружие.

«**Ругер-Мини 30**» — американский полуавтоматический карабин фирмы «Ругер». Калибр 7,62x39, в данной модели питание из отъемных коробчатых магазинов емкостью десять и двадцать патронов.

СВД (снайперская винтовка Драгунова, «эсвэдэха») — основная снайперка СА и РА, надежная, неприхотливая и достаточно высокоточная. Калибр 7,62x54 Русский, отъемный магазин на десять патронов.

СГМ (станковый Горюнова модернизированный) — модернизированный станковый пулемет, пришедший на смену легендарному Максиму в годы Великой Отечественной и вместе с ним встретивший Победу. Основной станковый пулемет СА до конца семидесятых. Имеет бронетранспортерную СГМБ и танковую СГМТ модификации. Калибр 7,62x54 Русский, питание ленточное.

СКС (самозарядный карабин Симонова) — великолепный карабин, очень надежный, точный, удобный. Калибр 7,62x39, емкость неотъемного магазина десять патронов.

«**Смит-Вессон 329**» — шестизарядный револьвер фирмы «Смит-Вессон» калибра 44 Ремингтон Магнум.

Старый спрингфилдовский патрон — патрон калибра 7,62x63, или 30-06 Спрингфилд.

Су-2 — легкий бомбардировщик и штурмовик КБ Сухого. Очень хорошо воевал в первой половине Великой Отечественной войны.

Т-10 — тяжелый советский танк. Последний из легендарных ИСов, ИС-10. Тяжелый и мощный танк, снятый с вооружения в девятидесятых годах.

Т-55 — советский средний танк. Самый массовый послевоенный танк в старом мире. Вооружен стомиллиметровой нарезной пушкой, 12,7 миллиметровым пулеметом ДШК и двумя пулеметами СГМТ.

«**Таурас**» (Taurus РТ-92) — практически точная лицензионная копия итальянской «беретты» модели 1992 года. Выпускается с семидесятых годов до настоящих дней. Калибр 9x19 Люгер, семнадцать патронов в магазине.

Тип 63 — китайская система залпового огня. Является две-

надцатиствольной легкой буксируемой реактивной системой залпового огня (РСЗО) калибра 107 мм.

Тип 67 — китайский единый пулемет. Калибр 7,62x54 Русский, питание ленточное.

ТОЗ-34 — тульское двуствольное ружье с вертикально спаренными стволами. Легкое, верткое, но тоже довольно капризное. Выпускается сейчас только в двенадцатом калибре. Но в СССР были и двадцать восьмой, и двадцатый, и шестнадцатый калибры.

Тойота RAV 4 (Toyota Rav 4) — полноприводный кроссовер японской фирмы «Тойота Моторс». Хороший автомобиль.

ТТ (тульский Токарева) — пистолет образца 1933 года. Калибр 7,62x25ТТ. Пистолет очень заслуженный. Именно он был основным пистолетом на вооружении РККА.

Тулка-курковка — легендарнейшее тульское ружье. Горизонталка с внешними курками. Берет начало в девятнадцатом веке с «Модели Б» и имеет множество модификаций. К огромному огорчению охотников, полностью снято с производства.

Узи — израильский пистолет-пулемет. Калибр 9x19 Люгер, тридцать два патрона в коробчатом магазине.

Феллога — небольшое рыбацкое или торговое суденышко, чаще всего парусное.

Шестидюймовка — пушка калибра шесть дюймов, или 152 мм.

Як-52 — советский одномоторный спортивный самолет. В СССР была разработана и противопартизанская модификация этого самолета.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗЕРВИСТ. Фантастический роман	5
<i>Об оружии, машинах, самолетах, кораблях и рациях</i>	397